

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Кафедра уголовного процесса
Специальность 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности
(специализация Уголовно-правовая, профиль образовательной программы – Предварительное следствие в органах внутренних дел),
очная форма обучения

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

по теме:

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ)

Выполнил:

Слушатель учебной группы НБ 2001
младший лейтенант полиции
Одинцова Валерия Олеговна

Руководитель:

Доцент кафедры уголовного процесса
СибЮИ МВД России
кандидат юридических наук
Монид Марина Владимировна

Дата защиты:

23 » июля 2025 г.

Имя:

Одинцова

Председатель ГЭК

Михайлов Костянтин
(специальное звание)

(подпись)

М.В. Погова
(инициалы, фамилия)

Красноярск 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	8
§1. История формирования, нормативная основа, сущность принципа неприкосновенности личности	8
§2. Значение и место принципа неприкосновенности личности в системе принципов уголовного процесса.....	199
ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	26
§1. Механизмы обеспечения неприкосновенности личности при задержании подозреваемого в совершении преступлений.....	26
§2. Обеспечение в уголовном судопроизводстве принципа неприкосновенности личности при применении меры пресечения в виде содержания под стражей и при помещении в медицинскую организацию	42
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	58
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	61

ВВЕДЕНИЕ

Одним из значимых законодательных положений современных правовых государств, в том числе России, является обеспечение национальной безопасности государства от внешних и внутренних угроз, которое сочетается с обеспечением защиты прав и свобод личности, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, призванного защищать конституционные права и свободы каждого вовлеченного в сферу уголовного процесса человека. В число таких прав входит право на личную неприкосновенность, что нашло свое отражение как во многих международно-правовых актах, так и в высшем нормативно-правовом акте Российской Федерации, а именно в Конституции Российской Федерации¹ (далее – Конституция РФ), в статье 22, где сформулирован один из важнейших принципов уголовного судопроизводства. Данное право не является безусловным и может ограничиваться в законодательно определенных случаях, в надлежащей процессуальной форме и в должной мере.

Актуальность заявленной темы определяется случаями безосновательного ограничения указанного права, в особенности при рассмотрении и разрешении судами первой инстанции ходатайств следователя об избрании меры пресечения в правоприменительной практике. По данным председателя Верховного Суда РФ И. Подносовой, за девять месяцев 2024 г. российские суды рассмотрели 70 тыс. ходатайств об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей, приняли решение о заключении под стражу 61 тысячи граждан в качестве меры пресечения, что составило 88% от общего числа рассмотренных ходатайств. Тем самым, актуально четкое формирование уголовно-процессуальных гарантий

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации - Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

реализации принципа неприкосновенности личности при производстве по разным категориям уголовных дел, в том числе и связанных с незаконным оборотом наркотиков (далее – НОН), которые составляют существенную долю в общем объеме зарегистрированных преступлений.

Так, за 2024 год всего выявлено 1911300 преступлений, из которых 198000 занимают преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ (далее – НОН). Министерством внутренних дел Российской Федерации в период с 2022 – 2024 года ежегодно отмечается снижение преступлений, показатели зарегистрированных преступлений в сфере НОН увеличились на 1%, 7,5% и 3,7 % в сравнении с аналогичным периодом каждого предыдущего года, в том числе отмечено увеличение на 7% выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, что увеличивает удельный вес данной категории преступлений с 62,4% до 68,2%.¹

Также необходимо отметить, что Федеральным законом "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 31.07.2023 N 396-ФЗ и Федеральным законом N 13-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 28.02.2025 года в российское уголовно – процессуальное законодательство были внесены изменения касательно применения таких мер процессуального принуждения, как задержание и заключение под стражу, а именно в п. 11 ст. 5, ст. 10, 91, 108 УПК РФ что повышает актуальность темы исследования.

Цель работы состоит в исследовании теоретических и прикладных проблем, связанных с реализацией принципа неприкосновенности личности при

---

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года. С. 4. – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663> (дата обращения 19.04.2025); Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года. С. 4. – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (дата обращения 19.04.2025); Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года. С. 4 – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> – (дата обращения 19.04.2025).

расследовании преступлений, в том числе, в сфере незаконного оборота наркотиков, выявлении проблем и выработке путей их решения.

Указанная цель достигается путем решения следующих задач:

- выявление юридической сущности и значения принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве;
- определение места принципа неприкосновенности личности в системе принципов уголовного судопроизводства;
- установление пределов действия принципа неприкосновенности личности, в том числе, при расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере НОН;
- определение проблем, связанных с реализацией указанного принципа при задержании и избрании мер пресечения при расследовании уголовных дел, на примере уголовных дел в сфере о преступлениях в сфере НОН;
- определение уголовно-процессуальных гарантий, обеспечивающих соблюдение данного принципа при расследовании преступлений.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся при реализации нормативных предписаний, формирующих неприкосновенность личности в уголовном судопроизводстве.

Предметом исследования являются нормы международного права, нормы российского права в сфере уголовно-процессуальной деятельности, регулирующие реализацию принципа неприкосновенности личности, и правоприменительная практика.

Значение разработки для теории и практики деятельности органов внутренних дел и иных правоохранительных органов определяется выводами и рекомендациями по совершенствованию практики соблюдения принципа неприкосновенности личности в уголовном процессе. Сформулированные в исследовании предложения могут быть использованы в законотворческой деятельности в целях корректировки действующего уголовно-процессуального законодательства, правоприменительной деятельности судов и правоохранительных органов, при подготовке методических рекомендаций по

единообразной правоприменительной практике, а также в научной деятельности и в учебном процессе.

Теоретическую основу исследования составили научные разработки различных авторов по вопросам, связанным с основными положениями уголовного, уголовно-процессуального законов, относящиеся к объекту исследования.

Степень научной разработанности проблемы: среди публикаций, непосредственно относящихся к теме исследования, необходимо выделить труды Л. Ю. Казанцева, А. А. Мещера, Н. Р. Фасхутдиновой, П. Л. Сурихина, Ю. П. Поповой, А. Е. Амосова, С. В. Науменко, Г. А. Чобанова и других.

Нормативную основу исследования составили: Конституция Российской Федерации, Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., ряд федеральных конституционных законов, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, федеральные законы и подзаконные акты органов государственной власти.

В процессе работы изучались материалы правотворческой, интерпретационной, правореализующей и правосистематизирующей практики, публикации периодической печати.

Эмпирическую основу исследования составили статистические данные о состоянии и динамике преступлений, предусмотренных гл. 25 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в частности ст. ст. 228 – 234.1 УК РФ; решения судов общей юрисдикции по конкретным уголовным делам; опубликованная практика Конституционного Суда Российской Федерации, а также Верховного Суда Российской Федерации.

Методологическую основу исследования составляют общие положениях теории научного познания общественных процессов и правовых явлений, в основе которых лежат диалектический метод познания. В работе применялись следующие методы: системно-структурный, формально-юридический, статистический и анализ документов.

Структура работы обусловлена темой, целью, задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, объединяющих в себя 4 четыре параграфа, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

§1. История формирования, нормативная основа, сущность принципа неприкосновенности личности

Принципы (от лат. *principium* - начало, основа) права, в соответствии с их традиционным пониманием, отражают руководящие идеи, сущность и назначение права в обществе. Это наиболее общие нормы, действующие во всей сфере правового регулирования и распространяющиеся на всех субъектов.¹ Принцип, являясь ведущей составляющей права, характеризует содержание той или иной отрасли права. Не каждый уголовно-процессуальный принцип проявляется шаблонно на стадиях уголовного судопроизводства, но если возникает необходимость рассмотрения вполне определенных отношений, он не подлежит никаким ограничениям в своем действии. Конституция РФ (ч.3 ст.55) может допускать ограничения прав, но не принципов. Нарушение одного принципа уголовного процесса, как правило, влечёт нарушения ряда других принципов.²

Одним из принципов уголовного процесса является принцип неприкосновенности личности.

Человек в обществе постоянно функционирует в определенных рамках: пространственных, физических, правовых и других. С правовой точки зрения внешние границы рамки, обуславливающие его неприкосновенность личности, создают ситуацию защищенности от внешнего вторжения (общества, государства, других людей) в его внешнее пространство. Таким образом,

---

¹ Теория государства и права. Под ред. проф. С. С. Алексеева. Авторский коллектив: Алексеев С.С. Архипов С.И. Корельский В. М. Леушин В. И. - М.: Норма, 2004. - С. 237.

² Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов. Вступит. статья В.Д.Зорькина. 6-е изд., перераб. - М.: Норма, 2015. - С. 85-86.

юридическая характеристика неприкосновенности личности включает в себя многие права: право на жизнь, право на здоровье, право не подвергаться пыткам и т.д., то есть запрет любого внешнего влияния, вторжения без собственного (личности) на то разрешения, что создает так называемую «охрану». Пока человек действует в согласии с собственной волей, не испытывая принуждения к каким-либо действиям, он неприкосновенен. Но как только к нему применяются меры принуждения, неприкосновенность подвергается внешнему воздействию.

Исторически рассматриваемый принцип появился как требование свободы от произвольных арестов, в первую очередь, со стороны государства. В дальнейшем этот принцип развивался как гарантия от государственного произвола. Требование об освобождении человека от неправомерных посягательств со стороны власти основывалось, в свою очередь, на идее независимости и автономности личности. Поэтому фиксация указанного требования была невозможна без юридического признания этого положения.¹

Ретроспективный анализ развития права на свободу, проведенный П.О. Преловским, берет свое начало еще с Древнего Рима, где даже в тот период времени, оно позиционировалось как одно из самых значимых. Однако формальную определенность данное право получило лишь в 1215 г. – в Великой Хартии Вольностей, принятой в Англии, согласно которой был запрещен бесосновательный арест, но лишь отдельных категорий людей. Что касается России, то явным фактором, подтолкнувшим к закреплению рассматриваемого права стала Великая французская революция 14 июля 1789 г., которая привела к принятию 26 августа 1789 г. Национальным учредительным собранием Декларации прав человека и гражданина, закрепившей основные права людей во Франции. Несмотря на то, что указанная Декларация никак не затрагивала права людей Российской империи, она оказала воздействие на правосознание людей. Это иллюстрирует декабристское восстание 1825 г., хотя и не увенчавшееся

---

¹ Казанцев Л.Ю. Принцип неприкосновенности личности и сфер ее жизнедеятельности в правовом регулировании общественных отношений. Автореферат дис..... к. ю. н. . - Нижний Новгород, 2004. С. 12.

успехом, но подчеркнувшее необходимость серьезных социальных изменений в обществе и государстве, связанных с ограничением абсолютной монархии и закреплением основополагающих прав человека, среди которых и право на личную неприкосновенность. Далее, 20 ноября 1864 г. был принят Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС), согласно которому: «Никто не может быть ни задержан под стражей иначе как в случаях, законами определенных, ни содержим в помещениях, не установленных на то законом» (ст. 8); «Требование о взятии кого-либо под стражу подлежит исполнению лишь в том случае, когда оно последовало в порядке, определенном правилами настоящего УУС» (ст. 9); «Каждый судья и каждый прокурор, который в пределах своего участка или округа удостоверится в задержании кого-либо под стражей без постановления уполномоченных на то мест и лиц, обязан немедленно освободить неправильно лишенного свободы (ст. 10)».¹

В УУС был закреплен довольно широкий перечень мер принуждения, включая взятие под стражу. Тем не менее, при избрании мер пресечения, как указано в ст. 421 УУС, помимо тяжести грозящего наказания, учитывались и иные обстоятельства, такие как: «сила представляющихся против него улик, возможность скрыть следы преступления, состояние здоровья, пол, возраст и положение обвиняемого в обществе».²

Проведя юридической анализ норм УУС, можно прийти к выводу, что он официально закрепил право на свободу и личную неприкосновенность лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, тем самым формально определив и предоставив каждому важнейшие процессуальные гарантии его соблюдения, такие как законность при ограничении права на личную неприкосновенность, в

---

¹ Преловский П.О. Эволюция уголовно-процессуального законодательства, регулирующего право на свободу и личную неприкосновенность // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. №4 (12). С. 92. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ugolovno-protsessualnogo-zakonodatelstva-reguliruyushego-pravo-na-svobodu-i-lichnyuyu-neprikosnovennost> (дата обращения: 06.02.2025).

² Цоколова О.И. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и современные проблемы мер уголовно-процессуального принуждения // Актуальные проблемы российского права. 2014. №7 (44) июль. С. 1440-1446.

частности при задержании и избрании мер пресечения (освобождение каждого незаконно и необоснованно задержанного или взятого под стражу (ст. 10 УУС, ст. 402 УУС), право обжалования распоряжений мировых судей и следственных действий, в том числе об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 153 УУС и ст. 491 УУС), учет при избрании меры пресечения иных данных о личности, помимо тяжести грозящего наказания (ст. 421 УУС)).

Переломным моментом в истории развития отечественного уголовного судопроизводства стали события 1917 года. В те годы человек мог быть подвергнут ограничению любого неотчуждаемого на сегодняшний день права, лишь за принадлежность к какому-либо слою общества.¹

Кодификация уголовно-процессуального законодательства началась с принятия 25 мая 1922 г. Всероссийским центральным исполнительным комитетом УПК РСФСР, замена которому была введена всего через год – УПК РСФСР 1923 г. В обоих кодифицированных актах в ст. 5 был провозглашен принцип личной неприкосновенности (никто не может быть лишен свободы и заключен под стражу иначе как в случаях, указанных в законе и в порядке, законом определенном).²

Закрепление основополагающих прав человека и гражданина, как на национальном, так и на международном уровне получило широкое распространение после падения фашистских режимов в Европейских странах, что тесно связано с пониманием и потребностью людей не только официально оградиться от государственного вмешательства в личные границы, но и получить процессуальные гарантии указанных прав, о которых будет сказано далее.

---

¹ Преловский П. О. Эволюция уголовно-процессуального законодательства, регулирующего право на свободу и личную неприкосновенность // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. №4 (12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ugolovno-protsessualnogo-zakonodatelstva-reguliruyuschego-pravo-na-svobodu-i-lichnyuyu-neprikosnovennost> (дата обращения: 06.02.2025).

² Эляшов А.Б., Булуктаева К.Ю. Исторические корни развития принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве // Новый юридический вестник. 2023. № 3 (42). С. 90. – URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/252/8426/> (дата обращения: 06.02.2025); Францифоров Ю.В., Манова Н.С. Уголовный процесс. – М: Юрайт, 2020. – С. 90.

УПК РСФСР, принятый в 1960 г., законодательно закрепил механизмы практической реализации анализируемого принципа,¹ что во многом было связано с развенчанием культа личности. В новом УПК РСФСР закреплялись не только неотъемлемые права человека, в том числе и на неприкосновенность (ст. 11), но и некоторые механизмы их реализации. Например, всякий участник уголовного процесса получал право обжалования действий и решений должностных лиц, лицо признавалось виновным только по решению суда и т.д. Постепенно Советским Союзом, а в последующем и Российской Федерацией были ратифицированы ряд основополагающих международных правовых актов, связанных с обеспечением прав личности (Международный пакт «О гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г. (ратифицирован 23 марта 1976 г.), Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. (ратифицирована 26 июня 1987 г.), Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26 ноября 1987 г. (ратифицирована 1 сентября 1998 г.), Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. (ратифицирована 11 августа 1998 г.).

Наиболее значимые международные нормативные акты, составляющие нормативно-правовую базу рассматриваемого принципа:

- Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. (ст. 3)²;
- Международный пакт «О гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г. (ст. 9).³

По мнению Д.В. Теткина, в силу сложившегося непростого этапа для России, принцип личной неприкосновенности был уточнен в УПК РФ.¹

---

¹ Францифоров Ю.В., Манова Н.С. Уголовный процесс. – М: Юрайт, 2020. С. 121.

² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС КонсультантПлюс.

³ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс.

Таким образом, к текущему моменту одним из фундаментальных конституционных принципов, обеспечивающих права участников уголовного судопроизводства, является принцип неприкосновенности личности. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы, являются высшей ценностью, их защита обеспечивается государством. Право каждого человека на личную неприкосновенность при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности нашло свое нормативное закрепление в статье 10 УПК РФ и, что касается естественного права, – в статье 22 Конституции РФ, которая закрепляет право человека на свободу и личную неприкосновенность. Только судебное решение может служить основанием для ареста.

Статья же 55 Конституции РФ регулирует ограничение федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Таким образом, интересы государства при решении вопроса о неприкосновенности личности могут стать основанием для ее ограничения.

Так, в п.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 № 12-П четко указано, что любые ограничения права на ... личную неприкосновенность могут быть наложены на человека, если возникает необходимость изоляции лица от общества, применяемой в виде меры процессуального принуждения ..., что обеспечивается судебным контролем и другими правовыми гарантиями справедливости и соразмерности такого ограничения.²

Принцип неприкосновенности личности, сформулированный в УПК РФ, в названии прямо не закрепляет обеспечение свободы личности, хотя и предусматривает таковое. Так, в нем формулируются именно недопущение на

---

¹ Теткин Д.В. Отдельные исторические аспекты развития принципа неприкосновенности личности и его закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. №2 С. 168.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина» // СПС КонсультантПлюс.

ограничение физической свободы лица без законных на то оснований. Представляется, что законодатель в понятия "личная неприкосновенность", "неприкосновенность личности" и "свобода" заложил, прежде всего, физический аспект. Иными словами, данные термины закреплены, в частности, в Конституции РФ: п. 1 ст. 22 Конституции РФ гласит: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность». В узком значении и под ограничением личной неприкосновенности преимущественно понимается физическое воздействие на человека, в частности, такие действия, как задержание, арест, заключение под стражу, лишение свободы и т.д. В связи в этом возникает вопрос, что же понимается под принципом неприкосновенности личности - недопущение незаконного и необоснованного ограничения или лишения свободы лица или же существенного ограничения его конституционного права на личную неприкосновенность? Для того, чтобы ответить на вопрос, необходимо разграничивать такие понятия как "свобода", "неприкосновенность личности" и "личная неприкосновенность", которые хоть и находятся в непосредственной и стойкой связи между собой, но все же не являются тождественными. В теории уголовного процесса сложилось достаточно широкое толкование данных понятий, каждое из которых заслуживает внимания. Так, существует мнение, что само по себе понятие "свобода" неощутимо и прямо ограничено формальными рамками и законодательно установленными границами, в пределах которых поведение является дозволенным.¹ В соответствии с другой точкой зрения, представленной Т.А. Васильевой и П.А. Лукашевой, свобода понимается, прежде всего в своей естественной, первоначальной форме, то есть не ограничено с формально-юридической стороны.² Также понятие "свобода" нередко используется в тесной связи с понятием "личной неприкосновенности". Так, в дореволюционный период многие авторы выделяли личную неприкосновенность как необходимое звено

---

¹ Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности / под ред. Н. В. Витрук. М., 2008. С. 107.

² Васильева Т. А., Лукашева П. А. Права человека / под ред. П. А. Лукашевой. М., 2000. С. 25.

свободы личности, прежде связывая последнюю с осуществлением деятельности органов государственной власти, которые в соответствии с возложенными полномочиями, имели право эту свободу ограничивать. Однако, предлагается использовать более широкую интерпретацию личной неприкосновенности, которая на сегодняшний день выделяется большинством авторов и включает в себя такие категории, как свобода, безопасность, а также недопустимость ограничивать наравне с физической неприкосновенностью, неприкосновенность нравственную и психическую.¹ Как писал М.В. Баглай, личная неприкосновенность должна включать в себя не только жизнь и здоровье человека, но также уважение его чести и достоинства.² Не менее значимым является, понимание и разграничение таких понятий как "личная неприкосновенность" и "неприкосновенность личности". Многие авторы затронули этот аспект, при чем единого мнения, как представляется, не сложилось. Так, существует точка зрения, например, О.Е. Кутафина, отождествляющая данные понятия³, что, по нашему мнению, является некорректным в части самого содержания.

Личная неприкосновенность подчеркивает и провозглашает «идею высшей ценности прав и свобод личности», являясь центральным неотчуждаемым личным правом каждого человека, которому придана «юридическая обложка». А уголовно-процессуальный принцип неприкосновенности личности рассматривается как результат властной деятельности законодателя, нашедший отражение в его правотворчестве. Таким образом, можно сделать вывод, что свобода и личная неприкосновенность – коррелирующие понятия, в совокупности образующие неотъемлемое право человека на свободу в целом. Принцип неприкосновенности личности, отраженный в УПК РФ, лишь

---

¹ Щербакова М. А. Принцип неприкосновенности личности как гарантия права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве // Вестник УЮИ. 2022. №1 (95). С. 102. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-neprikosnovennosti-lichnosti-kak-garantiya-prava-na-svobodu-i-lichnuyu-neprikosnovennost-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 07.02.2025).

² Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1999. С. 197.

³ Кутафин О.Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М., 2004. С. – 121.

подчеркивает и подкрепляет конституционное право человека на личную неприкосновенность, при этом обеспечивая его защиту от бесосновательного и неправомерного посягательства и ограничения свободы.¹

Опираясь на положения Конституции РФ, и решений, принятых Конституционным Судом РФ² данное субъективное право на свободу и личную неприкосновенность, распространяется на всех без исключения людей и принадлежит им от рождения. Таким образом, и в рамках уголовного процесса данное право распространяет свое действие на всех, не ограничиваясь четким перечнем участников уголовного процесса, изложенных в разделе 2 УПК РФ.

Однако, если подойти к вопросу с формальной точки зрения, то принцип, заключенный в ст. 10 УПК РФ, охватывает далеко не всех участников, которые могут быть в фактическом плане лишены свободы. В ч. 1 ст. 10 УПК РФ под данным принципом следует понимать, во-первых, не только недопущение незаконного физического принуждения, но и психического, нравственного, и во-вторых, распространение его не только на лиц, имеющих статус подозреваемого и обвиняемого, но и в равной степени на всех лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, в том числе не выделенных в разделе 2 УПК РФ, для этого есть принцип уважения чести и достоинства (ст. 9 УПК РФ). Это очень важно, как для достижения целей уголовного судопроизводства, так и для лиц, осуществляющих уголовное преследование, поскольку их деятельность напрямую связана с государственным принуждением.

---

¹ Суменков С. Ю. Понятие права на свободу и личную неприкосновенность по Конституции Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 101–110.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2016 № 25-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е.С. Сизикова»; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2024 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" в связи с жалобой гражданина Н.С. Смирнова» // СПС КонсультантПлюс.

В части 2 ст. 10 УПК РФ упоминаются лишены свободы лица, которые судом, прокурором, следователем, органом дознания и дознавателем должны быть освобождены при незаконности нарушения неприкосновенности.

Конституционный Суд РФ трактует лишение свободы как физическое ограничение свободы, основанное на фактическом критерии, не ограничиваясь при этом лишь формальными границами.¹ В соответствии с вышеизложенным, будь то помещение лица в условия ограниченного пространства, изоляции от общества, ограничение права пользоваться любыми средствами коммуникации, все это будет ограничением свободы. Лишение отличается от ограничения лишь более выраженной степенью интенсивности мер, которые применяются к лицу, что имеет отношение к административным правонарушениям.

Можно согласиться с А.А. Подмаревым, который опираясь на правовую позицию Конституционного Суда РФ, утверждал, что ограничение свободы хотя и не в той же мере, что и лишение свободы, но значительно затрагивает конституционное право на свободу и личную неприкосновенность. В данном случае имелись в виду меры пресечения, помимо заключения под стражу, которые не упомянуты в статье 10 УПК РФ.² Некоторые юристы предлагали внести изменения в законодательство и установить предельный срок применения любого из запретов, если их избрание ограничивает конституционные права подозреваемого, обвиняемого или подсудимого по уголовному делу.³

Статья 10 УПК РФ в содержании принципа неприкосновенности личности также предусматривает, что лицо, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано по

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2024 N 4-П "По делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.А. Балуковой и Ю.М. Чернигиной" // СПС КонсультантПлюс.

² Подмарев А.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: конституционные основы и правовые позиции Конституционного Суда России// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России № 4 (72) 2016. С. 62-65.

³ Баландин А. Проблемы применения запрета определенных действий// Неделя «АГ». 07.05.2025. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problemy-primeneniya-zapreta-opredelennykh-deystviy/> (дата обращения 08.04.2025).

подозрению в совершении преступления, должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью. Выполнение указанных предписаний, в первую очередь, обеспечивается посредством реализации положений Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».¹

Таким образом, ретроспективный анализ принципа неприкосновенности личности показывает, что его появление уходит корнями еще в Древний Рим, пройдя в отечественном уголовном процессе немало этапов: дореволюционный; советский; современный. На сегодняшний день принцип неприкосновенности личности нашел свое законодательное закрепление, как на международном и национальном уровнях. Принцип неприкосновенности направлен на обеспечение законных прав, свобод и интересов личности в уголовном судопроизводстве; служит гарантией от произвола со стороны органов, осуществляющих уголовное преследование. Развитие принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве не прекращается и в настоящее время, так как в действующее законодательство регулярно вносятся изменения и дополнения, направленные на повышение гарантий обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

---

¹ Федеральный закон "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" от 15.07.1995 N 103-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

§2. Значение и место принципа неприкосновенности личности в системе принципов уголовного процесса

Для того, чтобы ответить на вопрос о значении рассматриваемого принципа в достижении целей уголовного судопроизводства, необходимо разобраться, что представляют собой такие категории как «цель» уголовного процесса.

Цель выступает элементом поведения человека, его сознательной деятельности. Она предвосхищает результаты человеческого поведения, ею обусловлено его «направление».¹ В начале XX в. Ф. А. Брокгауз и И.А. Ефрон именовали целью представление, которое человек стремится осуществить, включая сюда же представление, стремление к его осуществлению и представление о тех средствах, которыми цель может быть осуществлена.²

В современном философском словаре цель определяется как заранее предполагаемый (мыслимый, желаемый, проектируемый) результат действия или деятельности людей, на осуществление которого они направлены.³

Иными словами цель – это результат деятельности, в сознании человека – идеальная модель его планируемых, последующих действий. Любая деятельность преследует свою цель, то есть то, ради чего она осуществлялась.

Цель уголовного судопроизводства обусловлена необходимостью обеспечения разрешения спора, возникшего по поводу преступления. Как следствие, целью самого процесса является его разрешение по существу, т.е. защита личности и общества от совершенного преступного посягательства.

Действующий УПК РФ в главе 2 определяет в ст. 6 «Назначение уголовного судопроизводства»,¹ не формулируя нормативного определения его цели, при

---

¹ Наумов К.А. Цели и задачи (назначение) уголовного процесса// Сибирское юридическое обозрение. 2020. Том 17, № 3. С. 386- 390.

² Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / под ред. Э. Л. Радлова. СПб. : Тип. акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1911. С. 265.

³ Современный философский словарь : словарь / под общей редакцией В. Е. Кемероваи Т. Х. Керимова. — 4-е изд. — Москва : Академический Проект, 2020. — 823 с.

этом фактически охватывает интересы потерпевших и обвиняемым, не указывая на общественные и государственные интересы, в то время как только сильное государство и общество могут обеспечить защиту личности. Ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. более точно определяла целеполагание уголовного процесса: быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Согласно точке зрения А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского понятия «назначение» и «цель» - одинаковы², что представляется нам вполне логичным и обоснованным. Схожая позиция изложена в статье К.А. Наумова, который утверждал, что назначение тождественно цели уголовного судопроизводства, а поэтому не будет спорным трактовать ст. 6 УПК РФ следующим образом: целью уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Именно для этого и предназначено уголовное судопроизводство.³

Однако имеются и другие взгляды. Так, А.А. Давлетовым и Н. В. Азарёнок назначению описывается как значимость объекта.⁴ В учебнике под редакцией профессора Л.В. Головки социальное предназначение уголовного судопроизводства заключается в ожидании обществом позитивных социальных результатов.⁵

Тем самым, цель (назначение) уголовного судопроизводства заключаются в:

---

¹ Лапаев И.С., Алейникова А.Б. Общие положения уголовного процесса : учебное пособие. Пенза : Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2021. С. 12.

² Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под. общ. ред. А.В. Смирнова. - 8-е изд., перераб. - М. : Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 18.

³ Наумов К.А. Цели и задачи (назначение) уголовного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2020. №3. С. 392. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-i-zadachi-naznachenie-ugolovnogo-protssessa> (дата обращения: 14.03.2025).

⁴ Давлетов А. А., Азарёнок Н. В. Назначение, цель и задачи уголовного судопроизводства // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 1. С. 127.

⁵ Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. - 2-е изд., испр. - М.: Статут, 2017 // СПС КонсультантПлюс.

- защите прав и законных интересов лиц, организаций, общества и государства от преступлений в равной степени, как и от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод;

- защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод. Для этого важна достаточность доказательств для вынесения постановления о привлечении конкретного лица в качестве обвиняемого, что определяется следователем (дознавателем) при оценке доказанности причастности к совершенному преступлению этого лица. При этом выводы следователя должны быть законными, обоснованными и мотивированными.¹

Уголовное преследование сопровождается применением мер процессуального принуждения, в том числе, таких как задержание, домашний арест, заключение под стражу. Как упомянуто в постановлении Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П, любые вводимые в отраслевом законодательстве ограничения связаны с лишением свободы при условии если они фактически влекут лишение свободы, ... должны отвечать критериям правомерности, производным от предписаний статьи 22 Конституции Российской Федерации ..., составляющих нормативную основу допустимого лишения свободы. Тем самым гарантии права на свободу и личную неприкосновенность распространяются не только на непосредственно указанные в статье 22 (часть 2) Конституции Российской Федерации арест, заключение под стражу и содержание под стражей, которые допускаются только по судебному решению, но и на все другие виды лишения свободы [...].²

Общественную огласку получило уголовное дело, в котором адвокат профессионально убедил суд в необходимости освобождения подзащитного, который обвинялся в покушении на сбыт наркотиков из-под стражи. В своем

---

¹ Чевердюк О.Г. К вопросу об обеспечении прав и законных интересов обвиняемого при предъявлении обвинения // Полицейская и следственная деятельность. №4. 2017. С. 12-15.

² Постановление Конституционного суда РФ от 24 мая 2018 года № 20-П/2018 «Правовые позиции КС РФ по отдельным вопросам. Право на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве» // СПС КонсультантПлюс.

решении судом было указано, что, неоднократное продление срока было необоснованным, так как каких-либо значимых следственных действий так и не было проведено.¹

Обеспечение уголовного преследования без неосновательного ограничения конституционных прав подозреваемого и обвиняемого осуществляется с помощью применения в определенных случаях мер уголовно-процессуального принуждения. Это обеспечивается судебным контролем или прокурорским надзором. Статьей 22 Конституции РФ определено, что до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

В отдельных случаях п. 3 ч. 7 статьи 108 УПК РФ установлена возможность продления срока задержания подозреваемого до 72 часов с момента вынесения судьей соответствующего постановления «для представления ... дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу».²

Предоставление суду права принимать решение об аресте предполагает участие в рассмотрении этого вопроса лица, в отношении которого возникла такая необходимость, и его защитника, что создает гарантии неприкосновенности личности и законности ареста. Заведомо незаконные задержание и заключение под стражу влекут уголовную ответственность в отношении должностных лиц, допустивших такое развитие событий (ст. 301 УК РФ).

Исключение из рассматриваемого принципа возможно, в целях обеспечения прекращения лицом преступной деятельности, предотвращения возможности скрыться или воспрепятствовать установлению истины по делу, а также для обеспечения исполнения приговора законом допускается задержание,

---

¹ Адвокат добился освобождения из-под стражи обвиняемого в покушении на сбыт наркотиков. <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilsya-osvobozhdeniya-iz-pod-strazhi-obvinyaemogo-v-pokushenii-na-sbyt-narkotikov/> (дата обращения 16.03.2025).

² Сумин А.А. К вопросу о продлении срока задержания подозреваемому // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 228–230.

заключение лица под стражу и содержание под стражей в качестве меры пресечения, а также возможно помещение в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы.

Законодатель не допускает возможности причинения вреда подозреваемым и обвиняемым посредством содержания их в условиях, которые создают угрозу их жизни и здоровью.¹

Если говорить о взаимосвязи уголовно-процессуальных принципов, то представляется, что все они тесно взаимодействуют между собой, образуя таким образом механизм, который способен эффективно работать лишь в совокупности, влияя на всю уголовно-процессуальную деятельность, то есть на все ее стадии. Зачастую, при нарушении одного принципа, нарушается другой.

А.М. Барановым и П.Г. Марфициным был проведен теоретический анализ норм-принципов уголовного процесса, включенных во вторую главу УПК РФ.² В частности, содержание норм-принципов на примере ст. 10 УПК РФ, а именно части 1 и 2 указанной статьи закрепляют общее правило о важности обоснованности законных оснований на задержание по подозрению в совершении преступления или заключение под стражу. Только суд может принять решение об ограничении свободы гражданина, что является важнейшей (но не единственной) гарантией неприкосновенности личности. По мнению авторов, «прикосновение» к личности реализуется путем применяемого в уголовном судопроизводстве государственного принуждения в многообразных формах, в том числе и в форме физического или психического воздействия в отношении лица в целях обеспечения его должного поведения.³ Уголовным судопроизводством регламентируется ограничение как физической, так и психической неприкосновенности человека.

---

¹ Терехова Н.Н. Значение принципов уголовного процесса в обеспечении безопасности личности в уголовном судопроизводстве // Вестник ОГУ №3 (139). Март. 2012. С. 211-213.

² Баранов А.М., Марфицин П.Г. Нормы-принципы уголовного процесса: Закон и теория// Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. С. 21-24.

³ Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М. : Юрид. лит., 1985. С. 85; Каплунов А.И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. 2004. № 12. С. 11.

А.П. Гуляев считает, что формулировкой «неприкосновенность личности» уточняется недопустимость неправомерного понижения гарантированных законом прав и свобод человека, в том числе с использованием насильственных, жестоких действий, унижающих человеческое достоинство.¹

Таким образом, можно сделать следующие выводы по первой главе:

Ретроспективный анализ становления принципа неприкосновенности личности в российском уголовном процессе имеет длительную историю, с нормативным закреплением, начиная с 1864 года.

В современном правовом государстве, данный принцип необходимо рассматривать как своего рода гарантию каждого человека, участвующего тем или иным образом в уголовном судопроизводстве, от произвольного, не подкрепленного формальными основаниями ограничения всякой свободы, унижения чести и достоинства, применения недопустимых методов принуждения.

Роль уголовно-процессуального принципа неприкосновенности личности в достижении назначения (целей) уголовного судопроизводства вызывает ряд дискуссий, однако на наш взгляд при решении большинства задач уголовного судопроизводства так или иначе затрагивается право каждого человека на свободу и личную неприкосновенность. Главным образом это проявляется в том, что предпринимаются попытки предотвратить незаконное уголовное преследование подозреваемых и обвиняемых (в части нарушения их конституционных прав), даже если это делается с целью защиты лица, потерпевшего от преступления.

Поскольку система основополагающих начал уголовного процесса должна стремиться к цели обеспечить стойкую защиту прав и законных интересов граждан и способна эффективно работать лишь в рамках некоего механизма, то при определении места принципа неприкосновенности личности, необходимо

---

¹ Гуляев А.П. Проблемы применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Новый уголовно-процессуальный закон: теория и практика применения : материалы межвед. «круглого стола». М. : МосУ МВД России, 2003. С. 3.

отметить, что он занимает одно из главенствующих мест в данной системе и нарушение иных принципов так или иначе затрагивает права и законные интересы отдельных граждан.

ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

§1. Механизмы обеспечения неприкосновенности личности при задержании подозреваемого в совершении преступлений

Конституция РФ придаёт особое значение формированию правовых основ, регулирующих сферу уголовного судопроизводства, включая закрепление основных прав и свобод личности, а также установление специфических механизмов их реализации и защиты в процессе уголовного преследования. Основной закон государства фиксирует не только универсальные гарантии прав, но и содержит положения, прямо корреспондирующие с уголовно-процессуальными категориями, к числу которых относятся: презумпция невиновности, право на рассмотрение дела судом с участием присяжных, обязательность предоставления юридической помощи, в том числе - квалифицированного адвоката. Указанные положения наделяют Конституцию РФ уникальной спецификой по сравнению с другими национальными конституциями, включая зарубежные образцы, где уголовно-процессуальные аспекты представлены менее последовательно (например, Конституция Австрийской Республики полностью лишена отдельного раздела, посвящённого правам человека).¹

Необходимо отметить, что нарушения со стороны Российской Федерации в области соблюдения права на личную неприкосновенность неоднократно становились предметом рассмотрения Европейского Суда по правам человека. ЕСПЧ неоднократно указывал на нарушения из-за формального продления

---

¹ Сибгатов М. В. Конституционное право на неприкосновенность и его реализация в уголовно-процессуальном институте задержания // Право и управление. 2025. №1. С. 39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-pravo-na-neprikosnovennost-i-ego-realizatsiya-v-ugolovno-protsessualnom-institute-zaderzhaniya> (дата обращения: 12.04.2025).

ареста без анализа фактических обстоятельств (дела «Гусев против России», «Быков против России»¹ и др.). Кроме того, Московский облсуд в 2016 г. отказал в продлении ареста Б. из-за волокиты следствия, заменив меру на домашний арест².

Формула «личная неприкосновенность», используемая в статье 22 Конституции РФ, представляет собой обобщённую категорию, не имеющую точного определения в рамках конституционного текста, что вызывает необходимость его теоретического осмысления. Как было отмечено нами выше, в науке предлагаются различные подходы к раскрытию содержания данного института. Распространённой является позиция, согласно которой личная неприкосновенность охватывает как телесную, так и психозэмоциональную составляющие статуса личности.

Уголовно-процессуальные реалии, в частности задержание, наглядно иллюстрирует содержание и пределы этих компонентов. Воздействие, направленное на лишение свободы передвижения, осуществляется только в тех пределах, которые предусмотрены законом и обусловлены необходимостью недопущения побега или совершения новых преступлений, при этом применение физической силы является крайним средством и допустимо исключительно в рамках правовых предписаний, следовательно, в контексте уголовно-процессуального задержания необходимо проводить разграничение между ограничением свободы и воздействием на физическую неприкосновенность. Первое является легитимным элементом меры пресечения, второе допускается лишь в чётко очерченных законом случаях.

Статья 21 Конституции РФ, в свою очередь, содержит норму, прямо запрещающую применение пыток, насилия и иных форм обращения,

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 15 мая 2008 г. «Гусев (Gusev) против России», N 67542/01, § 79 // СПС «КонсультантПлюс». Постановление ЕСПЧ «Быков (Bykov) против России» [Большая палата], § 61 // СПС «КонсультантПлюс». Постановление ЕСПЧ от 5 июля 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».

² Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 января 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. N 9.

унижающих человеческое достоинство. Указанная статья конкретизирует недопустимость экстремальных форм нарушения физической неприкосновенности и действует как абсолютный запрет на жестокое обращение, в том числе в момент задержания.

Дополнительный элемент института неприкосновенности зафиксирован в статье 23 Конституции РФ, гарантирующей неприкосновенность частной жизни, защиту семейной и личной тайны, а также право на охрану достоинства и доброго имени. Указанные положения, несмотря на их гражданско-правовую направленность, оказывают прямое воздействие на правоприменительную практику в уголовно-процессуальной сфере, особенно при производстве следственных и оперативных действий, сопряжённых с задержанием.

Кроме того, Конституция РФ закрепляет в отношении отдельных категорий лиц повышенные гарантии неприкосновенности. К таким лицам относятся: Президент Российской Федерации (ст. 91 Конституции РФ); Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий (ст. 92.1 Конституции РФ); Сенаторы Российской Федерации (ст. 98 Конституции РФ); Депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (ст. 98 Конституции РФ); Судьи (ст.122 Конституции РФ).

Также согласно ст. 449 УПК РФ сенатор Российской Федерации, депутат Государственной Думы, судья федерального суда, мировой судья, прокурор, Председатель Счетной палаты Российской Федерации, его заместитель и аудитор Счетной палаты Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, задержанные по подозрению в совершении преступления в порядке, установленном статьей 91 УПК РФ, за исключением случаев задержания на месте преступления, должны быть освобождены немедленно после установления их личности.

Статья 98 Конституции РФ устанавливает усложнённый процесс снятия иммунитета с парламентариев, который предполагает рассмотрение вопроса о

лишении неприкосновенности Советом Федерации РФ или Государственной Думой РФ по представлению Генерального прокурора РФ. Реализация этих механизмов подтверждается практикой. Так, в августе 2024 года был реализован порядок снятия неприкосновенности с сенатора Д. Савельева, после чего последовало его задержание¹.

Правовые стандарты, определяющие содержание личной неприкосновенности, находят своё отражение в уголовно-процессуальном законодательстве, в частности, нормы статьи 10 УПК РФ дублируют и конкретизируют положения Конституции РФ, формируя основу регламентации задержания в рамках главы 12 УПК РФ.

Таким образом, принцип личной неприкосновенности, закреплённый в Основном законе, представляет собой системообразующий элемент конституционно-правового и уголовно-процессуального регулирования, обеспечивающий баланс между публичными интересами правосудия и индивидуальными правами личности в условиях ограничения свободы.

Определение понятия «задержание подозреваемого» сформулировано в пункте 11 статьи 5 УПК РФ, где указывается, что это мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления, а в условиях военного положения - на срок не более 30 суток с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Можно отметить, что правовой статус субъекта, в отношении которого применено ограничение свободы, может не соответствовать понятию подозреваемого в процессуальном смысле. Рассмотрим полномочия лиц, обладающих правом задержания, а также правовой режим положения самого задержанного в рамках уголовного судопроизводства.

---

¹ Сенатор Савельев задержан по подозрению в причастности к организации убийства – Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6876211> (дата обращения: 10.04.2025).

Право применения меры процессуального принуждения в виде задержания принадлежит органу дознания, дознавателю, или следователю (п. 11 ст. 5 УПК РФ)¹. В соответствии со статьёй 91 УПК РФ, допускается задержание лица в ситуации острой необходимости, требующей немедленного вмешательства, при этом уголовное дело на тот момент ещё не возбуждено, что исключает формальное участие следователя или дознавателя. В подобных ситуациях формально отсутствует возможность реализации процессуального задержания².

Характерным примером реализации этих предписаний может служить проведенная в 2020 году в Северной столице операция по пресечению деятельности организованной преступной группы, распространявшей наркотические вещества через интернет-магазин, в результате оперативно-розыскных мероприятий сотрудники МВД России задержали пять человек, включая участников, курьеров и организатора, у которого изъято оборудование, использовавшееся для координации преступной деятельности. Обнаруженные по местам проживания и в автомобилях фигурантов материалы подтвердили их участие в незаконном обороте наркотиков, а также дали основания для возбуждения уголовных дел по квалифицирующим признакам особо тяжких преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств³.

Вопросы, связанные с проведением задержания при отсутствии возбужденного уголовного дела, подробно рассматриваются И.Л. Петрухиным, который приходит к выводу о непроцессуальной природе такой формы ограничения свободы, указывая на регулирование порядка его осуществления

---

¹ Фадеев И.А. Несовершенство понятийного аппарата статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса России в части, касающейся органов дознания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 8. С. 88.

² Арестова Е.Н., Шарапова Е.В., Борбат А.В. Проблемы правовой регламентации задержания подозреваемого // Российский следователь. 2023. № 6. С. 11.

³ В Санкт-Петербурге пресечена деятельность наркопреступной группы. – URL: <https://78.mvd.rf/news/item/21998013/> (дата обращения: 12.04.2025).

подзаконными нормативными актами, такими как Уставом патрульно-постовой службы¹ (в настоящее время не действует).

Принятие решения о применении процессуального задержания к подозреваемому может быть осуществлено только при наличии возбужденного уголовного дела, находящегося в производстве соответствующего уполномоченного должностного лица, при этом необходимо разграничивать статус субъектов, подвергшихся ограничению свободы: в одних случаях речь идёт о лице, захваченном по подозрению в преступлении, а в других - о полноценном подозреваемом². Разграничение правового положения оказывает непосредственное влияние на объём предоставляемых прав, обязанностей и гарантий.

Статус подозреваемого определён в статье 46 УПК РФ как самостоятельного участника уголовного процесса. Понятие «лицо» употребляется в законе как указание на субъекта, не наделённого процессуальным статусом.

Согласно норме статьи 46 УПК РФ, признание за фактически задержанным субъектом статуса подозреваемого связано либо с возбуждением в отношении него уголовного дела, либо с применением к нему меры задержания в порядке, предусмотренном статьями 91 и 92 УПК РФ, однако в научной литературе остаётся дискуссионным вопрос о возможности наделения лица статусом подозреваемого до момента возбуждения уголовного дела³.

Вопрос о точном моменте возникновения у лица статуса подозреваемого в уголовном процессе вызывает споры среди исследователей, указывающих на наличие коллизий в действующем законодательстве. Согласно мнению А.А. Шамсеевой, уголовно-процессуальная норма, закреплённая в части 1 статьи 46

---

¹ Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / Отв. ред. И.Б. Михайловская; АН СССР, Ин-т государства и права. М.: Наука, 1989. С. 101.

² Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход: монография. М.: Проспект, 2019. С. 85.

³ Казиминова Е.Д. Процессуальный статус подозреваемого // «Законность». 2022. № 10. С.52.

УПК РФ, устанавливает автоматическое возникновение у лица статуса подозреваемого с момента применения к нему одной из предусмотренных законом мер процессуального принуждения, однако, с точки зрения автора, это положение вступает в противоречие с содержанием части 2 статьи 91 и статьи 100 УПК РФ, которые, по её трактовке, предполагают, что процессуальные меры допустимы исключительно в отношении субъекта, уже формально признанного подозреваемым в установленном законом порядке, при этом А.А. Шамсева также указывает, что системное толкование названия главы 12 УПК РФ дополнительно подтверждает необходимость процессуального признания соответствующего статуса до начала применения принудительных мер¹. В совокупности эти положения, как подчёркивается исследователем, формируют неустранимую неопределённость относительно правового положения лица, подвергнувшегося задержанию, но ещё не признанного подозреваемым, которая препятствует надлежащей реализации его прав, нарушает принципы правовой определённости и может рассматриваться как деструктивный фактор, подрывающий законность личности в уголовном судопроизводстве.

Как нам кажется, изложенная позиция представляется спорной с точки зрения системной логики уголовно-процессуального регулирования. Во-первых, часть 2 статьи 91 УПК РФ не устанавливает обязательного требования о признании лица подозреваемым до его задержания. Напротив, в данной норме применяется универсальное обозначение «лицо», а не юридически значимый термин «подозреваемый», что подтверждает допустимость осуществления задержания без предварительного процессуального придания указанного статуса. Указанный подход согласуется с конструкцией статьи 46 УПК РФ, в которой предусмотрено, что подозреваемым считается не только тот, кому вручено

---

¹ Шамсева А.М. Соотношение понятий «задержание подозреваемого» и «задержание по подозрению» // Тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию кафедр уголовного права и криминологии, уголовного процесса и правоохранительной деятельности / М-во науки и высш. образования РФ, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». Ин-т права, соц. упр. и безопасности. Каф. уголов. процесса и правоохран. деятельности, Каф. уголов. права и криминологии; науч. ред.: Л.Г. Татьяна, Г.А. Решетникова, В.Г. Ившин. Ижевск: Удмуртский университет, 2024. С. 280.

уведомление о подозрении, но и тот, к кому применена мера процессуального принуждения, связанная с ограничением свободы, тем самым законодатель конструирует формулу автоматического возникновения у задержанного статуса подозреваемого, привязывая его исключительно к факту применения меры принуждения, а не к отдельному процессуальному решению или документу.

Во-вторых, статья 100 УПК РФ, предусматривающая возможность избрания меры пресечения до предъявления обвинения, когда отсутствует иное основание признания лица подозреваемым, не отменяет положения части 1 статьи 46 УПК РФ, напротив, она имеет вспомогательный характер и применяется лишь при отсутствии факта задержания, уведомления о подозрении или возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. В случае же, если лицо задержано по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 91 УПК РФ, правовые последствия в виде приобретения им статуса подозреваемого возникают непосредственно в момент применения указанной меры, что устраняет необходимость предварительного признания лица в качестве подозреваемого, следовательно, говорить о правовой коллизии между названными нормами не представляется правильным, поскольку при системном толковании они образуют логичную, функционально согласованную правовую конструкцию.

Таким образом, высказываемая в литературе озабоченность по поводу формального противоречия между частью 1 статьи 46, частью 2 статьи 91 и статьёй 100 УПК РФ, скорее всего, основана на игнорировании их взаимосвязи и направленности на регулирование различных ситуаций. Законодатель, предусмотрел несколько альтернативных оснований для наделения лица статусом подозреваемого, что обусловлено необходимостью гибко реагировать на различные процессуальные ситуации.

В науке обосновывается существование многоступенчатой модели задержания в условиях отсутствия возбужденного дела, которая включает следующие стадии: фактический захват, перемещение лица, установление

правовых оснований, возбуждение либо отказ в возбуждении уголовного дела, документальное оформление задержания, уведомление надзорного органа.

А.В. Гриненко указывает на необходимость немедленного проведения следственных действий при задержании лица, застигнутого на месте совершения противоправного деяния¹.

Начальные этапы процедуры, включая захват и доставление, реализуются без участия процессуальных субъектов, их характер внепроцессуален, что порождает угрозу нарушения личных прав и свобод².

Фактическое задержание (или «захват») - это физическое ограничение свободы человека и его доставление в органы дознания или следствия без оформления процессуального акта. Вопрос о его правовой природе остаётся спорным. Несмотря на упоминание в ст. 5 УПК РФ, этот институт в российском уголовно-процессуальном законодательстве не имеет чёткой правовой регламентации.

Научные мнения расходятся: одни учёные считают, что фактическое задержание является частью процессуального механизма (Л.В. Головкич³, С.С. Чернова⁴), другие - что оно носит внепроцессуальный характер (С.Б. Россинский⁵, И.М. Гуткин⁶), так как осуществляется сотрудниками, не обладающими полномочиями в рамках УПК РФ. Кроме того, многие задержания осуществляются в рамках оперативно-розыскной или административной деятельности.

---

¹ Гриненко А.В. Задержание и заключение под стражу должны быть не только законными и обоснованными, но и мотивированными // Журнал российского права. 2005. №3 (99). С. 96.

² Чурилов С.Н. Институт задержания подозреваемого нуждается в реформировании // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 1. С. 13.

³ Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головкич. - 2-е изд., испр. - М.: Статут, 2017 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Чернова С. С. Меры уголовно-процессуального принуждения. 2-е изд. М.: Юрлитинформ, 2015. 200 с.

⁵ Россинский С.Б. Размышления о правовой природе фактического задержания и доставления подозреваемого // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 8 (141). С. 68-80.

⁶ Гуткин И. М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания : учебное пособие. М.: Академия МВД СССР, 1980. 89 с.

Ряд учёных предлагает рассматривать фактическое задержание как административное действие¹, но это приводит к смешению с мерами административного задержания по КоАП РФ. Более верным считается конституционно-правовой и межотраслевой подход, при котором задержание связано с ограничением свободы (ст. 22 Конституции РФ), но пока не оформлено как уголовно-процессуальное.

Таким образом, фактическое задержание и доставление - это предпроцессуальные действия, имеющие правовое значение (например, определяют момент начала процессуальных сроков), но не являющиеся полноценными процессуальными актами, регулирование которых осуществляется в рамках других отраслей (административного, уголовно-исполнительного, оперативно-розыскного права), что требует разработки единого механизма и унификации подходов. Отсутствие нормативной конкретизации порождает неопределённость, УПК РФ не регламентирует процедуру доставления, хотя этот термин упоминается в контексте начала отсчёта срока процессуального задержания, а в других отраслях права, в частности, в ст. 27.2 КоАП РФ, доставление определено и связано с необходимостью составления протокола при невозможности его оформления на месте.

Доставление, по своей сути, представляет собой техническое мероприятие, направленное на физическое перемещение лица в уполномоченные органы для последующего инициирования процессуальных действий, не предполагает осуществления следственных мероприятий и не влечёт за собой процессуальных последствий. В рамках административного производства доставление служит

---

¹ Мачарашвили Т. М. Момент фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений) : сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России, 2015. Ч. 2. С. 69-72.

механизмом обеспечения возможности документального оформления факта правонарушения¹.

Фактическое задержание по подозрению в преступлении, предшествующее возбуждению дела, осуществляют сотрудники правоохранительных органов: органов внутренних дел, ФСБ, Росгвардии, а также других ведомств, действия которых на данном этапе не соотносятся с уголовно-процессуальной сферой и выполняются в целях защиты общественного порядка, при этом доставление служит промежуточным этапом, обеспечивающим переход к процессуальной деятельности уполномоченных органов.

Исходя из положений УПК РФ и иных нормативных актов, доставление должно быть реализовано в возможно короткий срок. И.Л. Петрухин отстаивает точку зрения, согласно которой отсчёт срока задержания должен начинаться с момента фактического захвата лица, независимо от фиксации этого факта в процессуальных документах, однако такая позиция вызывает сомнения, поскольку в ряде случаев выполнение процессуальных действий с лицом сразу после фактического задержания объективно невозможно - например, если лицо находится в состоянии сильного алкогольного или наркотического опьянения, либо в ином состоянии, исключающем его адекватное восприятие происходящего², при этом сам законодатель, в отличие от названного автора, разграничивает понятия «фактическое задержание» и «момент задержания» в процессуальном смысле. Так, согласно пункту 11 статьи 5 УПК РФ, под задержанием понимается именно мера процессуального принуждения, применяемая к лицу, подозреваемому в совершении преступления, а не любой факт физического захвата. Пункт 15 той же статьи указывает, что момент задержания - момент производимого в порядке, установленном настоящим

---

¹ Сургутсков В.И., Пивоваров Д.В. «О совершенствовании правового регулирования применения полицией отдельных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях» // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11. С. 111.

² Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / Отв. ред. И.Б. Михайловская; АН СССР, Ин-т государства и права. М.: Наука, 1989. С. 102.

Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Однако, законодатель привязывает начало течения процессуальных сроков именно к физическому захвату, а не его процессуальному оформлению, что позволяет обеспечить баланс между необходимостью фиксации правовых последствий и фактической возможностью реализации прав задержанного.

Учитывая изложенное, подход к исчислению срока задержания исключительно с момента фактического захвата лица действительно вызывает практические затруднения. В условиях мегаполисов и перегруженности транспортной инфраструктуры доставка может занимать часы, что объективно сокращает время, отведённое на проведение первоначальных следственных действий, однако подчеркнем, что несмотря на то, что процессуальное оформление задержания (составление и подписание протокола, разъяснение прав и обязанностей и т.д.) осуществляется, как правило, по прибытии к следователю или дознавателю, отсчёт предельного 48-часового срока содержания под стражей всё равно начинается с момента фактического задержания, что прямо следует из пункта 15 статьи 5 УПК РФ, а это также подтверждается и позицией Конституционного Суда РФ, в Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П.¹

Таким образом, практика, при которой суды (в частности, Московский городской суд) указывают на начало процессуального задержания с момента составления протокола, не означает переноса начала течения срока задержания - он, согласно закону, отсчитывается с момента фактического ограничения свободы, зафиксированного в протоколе². Такой подход обеспечивает соблюдение принципа правовой определённости и защиты прав задержанного.

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 N 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // «Вестник Конституционного Суда РФ». N 5. 2000.

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 21.02.2022 г. по делу №10-3252/2022 // СПС Консультант Плюс.

Мы считаем обоснованной и целесообразной позицию М.В. Наумова о внесении изменений в ст. 5 УПК РФ с целью регламентации института доставления, а именно дополнения указанной нормы пунктом 8.1 следующего содержания: «доставление – это принудительное препровождение физического лица с целью пресечения совершенного им правонарушения, производства с ним предварительного разбирательства, направленного на выяснение обстоятельств правонарушения, установления личности лица, а также составления протокола задержания при невозможности его составления на месте выявления правонарушения до возбуждения уголовного дела»¹.

Таким образом, дополнение ст. 5 УПК п. 8.1 вышеуказанным содержанием направлено на преодоление законодательного вакуума, поскольку институт «доставления» станет самостоятельным элементом уголовно-процессуального порядка задержания подозреваемого, который в свою очередь включает в себя следующие элементы:

- 1) фактическое задержание (п. 15 ст. 5 УПК РФ), с которым уголовно-процессуальный закон связывает начало исчисления срока задержания;
- 2) доставление, как принудительное препровождение физического лица в орган дознания или к следователю (регламентация п. 8.1 в ст. 5 УПК РФ);
- 3) составление протокола задержания (ч. 1 ст. 92 УПК РФ).

Необходимо отметить, что указанные элементы являются самостоятельными, сменяют друг друга, поэтому отсутствие одного из элементов приводит к нарушению самого порядка задержания.

В рамках уголовно-процессуального законодательства предусмотрены системные гарантии, направленные на предотвращение произвольного ограничения конституционного права личности на свободу и личную неприкосновенность при реализации меры задержания, которые служат основой легитимности и правомерности действий соответствующих должностных лиц.

---

¹ Наумов М. В. «Фактическое задержание» и доставление лица по подозрению в совершении преступления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 41. С. 110.

Во-первых, законодатель ограничивает возможность применения задержания лишь в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 91 УПК РФ), что образует критерий допустимости задержания по характеру возможного наказания, а не категории преступления (небольшой, средней тяжести и т.д.).

Во-вторых, в качестве основной правовой гарантии выступает установленный предельный срок задержания. Исключая случаи задержания по подозрению в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в условиях военного положения, этот срок составляет не более 48 часов с момента фактического задержания (п. 15 ст. 5, ч. 3 ст. 94 УПК РФ). Указанный срок может быть продлён по судебному решению - не более чем на 72 часа (ч. 7 ст. 108 УПК РФ). Таким образом, в указанных условиях общий максимальный срок задержания может составлять до 120 часов, однако пребывание под стражей свыше 48 часов возможно только при наличии судебного акта.

Кроме того, в условиях военного положения срок задержания лица по подозрению в совершении тяжких и особо тяжких преступлений может составлять до 30 суток. Если в течение этого времени суд не изберёт меру пресечения, связанную с лишением свободы, или не продлит срок задержания, подозреваемый подлежит освобождению (ч. 3 ст. 94 УПК РФ).

Третьей защитной мерой выступает обязанность должностных лиц, включая судей, прокуроров, следователей и дознавателей, осуществлять незамедлительное освобождение каждого лица, подвергнутого незаконному ограничению свободы, в том числе в случае содержания в психиатрических или иных медицинских учреждениях без надлежащих правовых оснований.

Четвертой гарантией выступает судебный контроль, реализуемый через проверку обоснованности и законности ограничения свободы в ходе задержания подозреваемого, в том числе при принятии решения о мере пресечения в виде заключения под стражу.

Пятое правило предполагает обязательность внесения в процессуальный документ - протокол задержания - достоверной информации о мотивах, побудивших уполномоченное лицо применить принудительную меру. Несмотря на наличие формального требования, действующая редакция статьи 92 УПК РФ не содержит раскрытия понятия «мотивы задержания», что создаёт неопределённость в правоприменительной практике.

Шестым механизмом правовой защиты выступает статья 38 УК РФ, регламентирующая условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. Законодатель освобождает от уголовной ответственности граждан и должностных лиц, если причинённый ими вред был необходим для задержания преступника и не превышал пределов, явно необходимых для достижения этой цели, при этом превышение пределов допустимого вреда, повлекшее тяжкие последствия, влечёт уголовную ответственность. Указанная норма играет важную роль в обеспечении баланса между защитой прав общества и защитой личности самого задерживаемого от произвольного насилия со стороны частных лиц или представителей власти.

Седьмое положение касается запрета задержания в связи с преступлением, по которому истёк срок давности привлечения к уголовной ответственности, исключение составляют дела, в рамках которых осуществляется преследование за особо тяжкие деяния, влекущие санкцию в виде пожизненного лишения свободы либо смертной казни. Такое ограничение предусмотрено новой редакцией статьи 91 УПК РФ, введённой Федеральным законом от 13 июня 2023 года № 220-ФЗ¹.

УПК РФ обязывает прекратить задержание и немедленно освободить лицо в случаях, если не подтвердилось подозрение в совершении преступления; если отсутствуют основания для заключения под стражу; если при задержании были допущены существенные нарушения процессуального порядка; если по истечении 48 часов (30 суток) с момента фактического задержания не избрана

---

¹ Федеральный закон от 13.06.2023 N 220-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

мера пресечения либо не принято судебное решение о продлении срока задержания (ч. 3 ст. 94, ч. 7 ст. 108 УПК РФ).

Что касается условий применения меры задержания, то в соответствии с частью 1 статьи 91 УПК РФ, она допустима в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, а также при наличии одного из специальных оснований, предусмотренных в этой норме (застигнут при совершении преступления, очевидцы указывают на него и т.д.). Таким образом, ограничение связано не с санкцией статьи УК РФ как таковой, а с тем, возможна ли по ней реализация наказания в виде лишения свободы - даже если оно не является обязательным или основным.

Восьмое положение касается установления уголовной ответственности в статье 301 УК РФ за действия должностных лиц, которые сознательно применяют незаконное задержание без соблюдения оснований, предусмотренных УПК РФ, либо намеренно не осуществляют меры по освобождению лица при отсутствии законных условий его дальнейшего содержания.

Дополнительным правовым инструментом, обеспечивающим защиту личной неприкосновенности, выступает судебный механизм восстановления нарушенных прав, что вытекает из статьи 18 Конституции РФ. Конкретизируется данный механизм в статье 46 Конституции РФ, устанавливающей, что каждый имеет право на судебную защиту от неправомерных действий органов государственной власти и должностных лиц. Практика выработала действенные способы защиты при незаконном задержании, включая институт компенсации морального вреда за причинённые страдания вследствие нарушения прав личности¹.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

Таким образом, можно сделать вывод, что модель уголовно-процессуального института задержания в его текущем виде отвечает требованиям конституционности, в том числе требованиям обеспечения неприкосновенности личности.

§2. Обеспечение в уголовном судопроизводстве принципа неприкосновенности личности при применении меры пресечения в виде содержания под стражей и при помещении в медицинскую организацию

Среди всех процессуальных мер пресечения, предусмотренных УПК РФ, наиболее суровой по своему содержанию и последствиям выступает мера в виде заключения под стражу, применение которой влечёт за собой не только ограничение передвижения лица, но и полную изоляцию от общества.

Отметим, что заключение под стражу часто используется как последняя мера, принудительное помещение в следственный изолятор осуществляется в целях нейтрализации угроз, исходящих от субъекта уголовного преследования. Речь идёт о вероятности совершения им новых преступлений, оказания давления на свидетелей, сокрытия доказательств либо воспрепятствования расследованию другими способами.

Основанием для выбора заключения под стражу как меры пресечения является формируемое органами предварительного следствия или дознания обоснованное убеждение в существующей опасности, исходящей от обвиняемого или подозреваемого, и в наличии риска реализации им деструктивной процессуальной деятельности¹.

---

¹ Широкова А.В. Заключение под стражу как элемент института мер пресечения в российском уголовном процессе // Закон и право. 2019. № 8. С. 101.

Как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», исходя из положений статьи 97 УПК РФ, ни одна из мер пресечения, предусмотренных в статье 98 УПК РФ, в том числе мера пресечения в виде заключения под стражу, не может быть избрана подозреваемому или обвиняемому, если в ходе судебного заседания не будут установлены достаточные данные полагать, что подозреваемый или обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, либо может продолжить заниматься преступной деятельностью, либо может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства или иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Судам следует иметь в виду, что наличие таких данных еще не свидетельствует о необходимости применения к лицу самой строгой меры пресечения в виде заключения под стражу. Решая вопрос об избрании меры пресечения и о продлении срока ее действия, суд обязан в каждом случае обсудить возможность применения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления любой категории иной, более мягкой, чем заключение под стражу, меры пресечения вне зависимости от наличия ходатайства об этом сторон, а также от стадии производства по уголовному делу¹.

Статистические сведения, систематически собираемые Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, указывают на преобладающее количество положительных решений судов по заявленным ходатайствам об избрании данной меры. Так, в 2022 г. было подано 95 420 таких ходатайств, из которых удовлетворено 84 917 (89%). В 2023 г. соответствующие

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // СПС КонсультантПлюс.

показатели составили 98 034 и 87 905 (89%), а в 2024 г. из общего количества заявлений (97 311) удовлетворено 87 687 (90%)¹. Анализ указанных данных позволяет заключить, что в абсолютном большинстве случаев суды поддерживают ходатайства, направленные на изоляцию лица в следственном изоляторе.

Белозерцев С.М., Балашов А.А. утверждают, что во многих случаях при производстве по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого) могла бы быть избрана более мягкая мера пресечения, например, домашний арест, залог, подписка о невыезде, тем не менее, следователи и дознаватели в ряде случаев отдают предпочтение более жёсткой мере, позволяющей обеспечить максимальный контроль за действиями подозреваемого, а также гарантировать его явку по вызову. Такая практика подменяет правовые основания удобством, что влечёт нарушения конституционно закреплённых прав на свободу и личную неприкосновенность. По мнению авторов, в представляемых судами ходатайствах о заключении под стражу нередко отсутствует объективная и доказательная аргументация, указывающая на необходимость именно этой меры, а основания часто сводятся к ссылкам на тяжесть инкриминируемого преступления и наличие у лица предыдущих судимостей. В этих случаях игнорируется факт погашенной судимости, при котором лицо не подлежит признанию судимым, что нарушает принцип презумпции невиновности и объективного подхода к выбору меры пресечения. Рассмотрение ходатайств судами зачастую сводится к формальному анализу предоставленных данных, без исследования социального статуса, состояния здоровья, наличия иждивенцев, занятости и иных обстоятельств, влияющих на целесообразность применения заключения под стражу. При наличии

---

¹ Судебная статистика Российской Федерации. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/13/s/14> (дата обращения: 12.04.2025).

минимального объёма информации, подтверждающей тяжесть обвинения и криминальное прошлое, суды, как правило, соглашаются с позицией следствия¹.

Тяжесть совершённого противоправного деяния, хотя и является объективным фактором, подлежащим учёту, не может рассматриваться в отрыве от личных характеристик. Только комплексное рассмотрение личности, обстоятельств дела, поведения субъекта до и после совершения деяния позволяет суду принять соответствующее принципам справедливости и соразмерности решение.

Таким образом, к числу значимых правовых гарантий охраны и соблюдения неприкосновенности личности в ходе применения заключения под стражу относится должный судебный контроль. Применение заключения под стражу и продление срока содержания под стражей возможно исключительно при наличии судебного решения, основанного на объективной и достаточной доказательной базе, подтверждающей необходимость данной меры, а отсутствие такой процедуры недопустимо в правовом государстве, поскольку приводит к нарушению основных принципов уголовного процесса и основных прав личности.

Так, Верховный Суд Республики Дагестан, рассмотрев апелляционную жалобу адвоката в интересах обвиняемого на постановление Советского районного суда г. Махачкалы о незаконном продлении срока содержания под стражей двух обвиняемых, указав, что при продлении срока содержания под стражей, суд в каждом случае должен уточнять и приводить конкретные обстоятельства и результаты их исследования вне зависимости от стадии уголовного судопроизводства, дающие основания избрать либо продлить меру пресечения, но в рассматриваемом случае это исполнено не было. Также суд указал на нарушение уголовно-процессуального законодательства в части непредоставления права на прения при рассмотрении в суде ходатайства

---

¹ Белозерцев С.М., Балашов А.А. Проблемы, возникающие при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 1 (80). С. 16.

следователя о продлении срока содержания под стражей. В связи с указанными нарушениями было вынесено решение об отмене постановления суда первой инстанции с последующим направлением материалов на новое судебное разбирательство¹.

Значимой гарантией защиты от неправомерного или чрезмерного ограничения личной свободы является право каждого подозреваемого или обвиняемого требовать проведения дополнительной судебной проверки правомерности и обоснованности решения о заключении под стражу (ч. 11 ст. 108 УПК РФ). Жалоба подаётся в течение трёх суток со дня вынесения судебного акта, а рассмотрение осуществляется судом апелляционной инстанции, который может отменить или изменить избранную меру пресечения.

Как уже было отмечено выше, при рассмотрении ходатайства о заключении под стражу суд обязан учитывать весь комплекс сведений, характеризующих личность подозреваемого или обвиняемого. Обязательному учёту подлежат не только характер и степень тяжести предъявленного обвинения, но и иные индивидуальные обстоятельства, включая возраст, состояние здоровья, семейное положение (например, наличие иждивенцев), трудовая занятость, наличие документа, удостоверяющего личность, место фактического проживания, иные обстоятельства, способные повлиять на обоснованность избрания меры пресечения, следовательно, только всесторонняя и индивидуализированная оценка личности может служить обоснованием правомерности заключения под стражу. Формальный подход, ограничивающийся ссылкой лишь на тяжесть преступления, нарушает требования статьи 108 УПК РФ и может повлечь отмену меры в вышестоящей инстанции.

Законодательство также устанавливает, что содержание под стражей в ходе досудебного производства не может превышать двух месяцев в процессе

---

¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан № 22К-1226/2020 от 23 июля 2020 г. по делу № 3/2-267/20. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pSJIRouJxENJ/> (дата обращения: 11.02.2025).

расследования уголовных дел, однако если расследование не окончено в этот срок, возможно продление срока содержания под стражей до шести и до двенадцати месяцев (часть 2 статьи 109 УПК РФ). Срок содержания под стражей свыше 12 месяцев может быть продлен лишь в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений до 18 месяцев. Дальнейшее продление срока не допускается. Обвиняемый, содержащийся под стражей, подлежит немедленному освобождению, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 1 части 8 и частями 8.1 - 8.3 статьи 109 УПК РФ.

В судебной практике встречаются случаи необоснованного возбуждения ходатайств о продлении срока содержания под стражей. Например, Тушинским районным судом Москвы, срок содержания под стражей Н. неоднократно продлевался, хотя следственные действия не проводились с апреля 2019 года. Так, 5 февраля 2019 г. в отношении Н. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. В тот же день ему было предъявлено обвинение. 6 февраля Тушинский районный суд г. Москвы заключил гражданина под стражу на 2 месяца, позднее указанный срок неоднократно продлевался. Проанализировав материалы дела, суд пришел к выводу, что в ходе расследования «фактически допущена волокита», поскольку предыдущие ходатайства о продлении обвинение обосновывало теми же следственными и процессуальными действиями, о которых говорит сейчас. При этом следователь в судебном заседании не смог пояснить, по каким причинам указанные действия не были выполнены до сих пор. В связи с этим суд посчитал просьбу следствия необоснованной, отказав в продлении срока содержания под стражей и заменив ее домашним арестом¹.

Суды также принимают решения об отказе в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания под стражей или об отмене судебных решений

---

¹ Коробка Е. Защита добилась освобождения обвиняемого из-под стражи из-за волокиты следствия // Адвокатская газета. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/zashchita-dobilas-osvobozhdeniya-obvinyaemogo-iz-pod-strazhi-iz-za-volokity-sledstviya/> (дата обращения: 15.03.2025).

нижестоящих судов о продлении указанного срока если не были подтверждены факты эффективности расследования. Например, кассационный суд отменил решение о продлении срока содержания под стражей, не усмотрев достаточных оснований для этого¹.

Исследователи неоднократно обращали внимание на необходимости усиления механизмов защиты личной свободы от необоснованного ограничения путём совершенствования законодательных положений.

Так, К.Б. Калиновский выступил с инициативой изменить правовое регулирование участия прокурора в процессе избрания меры пресечения. Ученый указывает на необходимость придания позиции прокурора, выраженной в виде несогласия с доводами следствия при рассмотрении ходатайства, обязательной силы для суда. Предлагается приравнять такой отказ к отказу от государственного обвинения на стадии судебного разбирательства².

Интересный подход предложен Е.В. Михайловым, который считает, что представление ходатайства о заключении под стражу должно предварительно согласовываться не с руководителем следственного органа, а с прокурором. Такой порядок, по мнению автора, укрепит объективность принятия решений, поскольку прокурорский надзор осуществляется вне рамок ведомственной подчинённости и, соответственно, способен обеспечить более эффективную проверку законности и обоснованности действий следствия³.

Присоединяясь к вышеуказанным концептуальным положениям, отметим, что практическая реализация подобных изменений будет эффективна лишь при

---

¹ Кассационное определение 5 КСОЮ от 27.07.2021 № 77- 1117/2021. URL:<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=16530#YherA9U7LyKr1HxA> (дата обращения: 15.03.2025).

² Калиновский К.Б. Обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемы совершенствования уголовно-процессуального закона и практики его применения // Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: соблюдение прав и свобод человека и гражданина: сборник статей по материалам круглого стола. Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия / под общ. ред. А.В. Шишлова. СПб.: ИД «Петрополис», 2017. С. 36.

³ Михайлов Е.В. Проблемы, возникающие при избрании в отношении обвиняемых (подозреваемых) меры пресечения в виде заключения под стражу // Молодой ученый. 2019. № 11 (249). С. 86.

условии реального осуществления прокурорского надзора. Только при полноценном анализе уголовных дел, изучении материалов, подтверждающих или опровергающих обоснованность заявленных требований, можно говорить о действенном механизме противодействия чрезмерному ограничению свободы личности в досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Полагаем, что действие принципа неприкосновенности личности необходимо учитывать не только при применении заключения под стражу, но и в случаях домашнего ареста и запрета определенных действий в уголовном судопроизводстве. Несмотря на то, что ст. 10 УПК РФ из числа мер пресечения упоминает лишь заключение под стражу, домашний арест и некоторые из запретов, предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ, также ограничивает личную неприкосновенность.

Принцип неприкосновенности личности при применении мер пресечения (заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определённых действий) требует от суда соблюдения баланса между публичными интересами и правом человека на свободу (ст. 10 УПК РФ).

Суд должен оценивать как основания, так и условия применения меры пресечения: обоснованность подозрения, квалификацию преступления, состояние здоровья обвиняемого. Особо строго - при продлении срока применения меры пресечения: должны учитываться новые обстоятельства, длительность содержания и снижение рисков (например, допросы уже проведены, доказательства собраны).

Домашний арест и запрет определённых действий - более мягкие меры пресечения по сравнению с заключением под стражу. Например, запрет может включать ограничение общения, перемещения и использования связи, как это было в деле Х., где суд исключил ряд запрошенных ограничений из-за их необоснованности¹.

Половина из мер пресечения, заключенная в разделе IV УПК РФ, применяется исключительно на основании судебного решения, что подчеркивает

---

¹ Архив Вахитовского районного суда г. Казани за 2018 г. Дело N 1-198/2018.

их высокую степень вмешательства в сферу прав личности, однако, несмотря на проработанность ряда процессуальных институтов, в указанном разделе отсутствуют положения, регламентирующие основания и процедурный порядок помещения лиц в медицинские учреждения психиатрического профиля с круглосуточным пребыванием. Между тем, данное действие сопряжено с ограничениями, как в отношении личной свободы, так и других прав участников уголовного процесса.

Проведя анализ положений статьи 435 УПК РФ можно увидеть явный пробел: в тексте не определены цели, преследуемые при помещении лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Норма носит отсылочный характер и предлагает использовать положения статьи 108 УПК РФ при условии предварительного содержания лица под стражей. В случаях, когда была применена иная мера пресечения, и возникла необходимость производства экспертного исследования в условиях стационара, предлагается руководствоваться статьей 203 УПК РФ, однако последняя также не содержит самостоятельного регламента, касающегося порядка помещения в психиатрическое учреждение, а лишь отсылает к статье 165 УПК РФ в части определения процедуры принятия судебного решения, что создает дополнительную неопределенность. Кроме того, действующее регулирование не требует обязательного судебного решения для перемещения подследственного, находящегося под стражей, в стационар психиатрического профиля для проведения судебно-психиатрической экспертизы.

Таким образом, складывается ситуация, в которой неурегулированными остаются ключевые аспекты процесса, затрагивающего личные права и свободы.

Особенно остро правовая неопределенность проявляется как в случаях, когда психиатрическая госпитализация необходима в отношении лиц, находящихся под действием более мягких мер пресечения, так и заключенных под стражу, где требуется проведение судебной экспертизы в условиях специализированного учреждения. Универсальные правовые принципы, в частности, закрепленный в статье 10 УПК РФ, должны обеспечивать базу для

всей системы уголовно-процессуальных гарантий, однако анализ содержания этой статьи показывает, что она, по существу, имеет регулятивный характер и не в полной мере обладает системообразующей силой, присущей правовому принципу. В ней акцент сделан преимущественно на действиях должностных лиц при задержании и заключении под стражу, тогда как иные формы ограничения свободы, включая психиатрическую госпитализацию, не получили надлежащего отражения, хотя формально принцип неприкосновенности распространяется и на случаи помещения в психиатрическое учреждение, его влияние реализуется лишь путем предписания освобождения незаконно госпитализированных лиц. Такое косвенное действие принципа обусловлено отсутствием чёткой правовой регламентации данного процессуального действия, которое не охарактеризовано как ни одна из существующих форм процессуального принуждения. Без определения сущности невозможно гарантировать правомерность самого вмешательства и соблюдение соответствующих процессуальных гарантий, следовательно, необходимо определить, относится ли рассматриваемое помещение в психиатрическое учреждение к мерам пресечения, мерам процессуального принуждения или представляет собой самостоятельную форму процессуального воздействия.

Указанный вопрос неоднократно становился предметом научной дискуссии. Так, А.С. Червоткин трактует психиатрическую госпитализацию как одну из форм мер безопасности, по своей сути приближенную к содержанию под стражей¹, в свою очередь, А.В. Ленский и Ю.К. Якимович обращают внимание на недопустимость совместного содержания лиц с психическими расстройствами с другими заключёнными, предлагая рассматривать помещение в стационар как специальную меру пресечения, применимую к данной категории субъектов². Ученые видят в госпитализации инструмент, необходимый для предупреждения

---

¹ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев ; рук. авт. кол. В. А. Давыдов. М., 2014. С. 128.

² Ленский А.В., Якимович Ю. К. Производство по применению принудительных мер медицинского характера. М., 1999. С. 63.

угроз, исходящих от психически больных лиц, совершивших общественно опасное деяние.

С иной позицией выступают авторы, утверждающие, что признание госпитализации формой меры пресечения является некорректным, поскольку она не может быть применена к лицу, утратившему способность осознавать характер и последствия собственных действий¹. Такое лицо не способно намеренно препятствовать расследованию, а значит, отсутствует необходимость в принятии к нему ограничительных мер в традиционном понимании, более того, госпитализация таких лиц не соответствует ни одной из задач, характерных для института меры пресечения.

Существуют и мнения, согласно которым помещение в психиатрическое учреждение возможно без предварительного избрания меры пресечения, в том числе заключения под стражу. Исходя из анализа статьи 435 УПК РФ, можно заключить, что законодатель допускает применение к лицам, страдающим психическими расстройствами, особых мер, среди которых помещение в стационар занимает самостоятельное положение, не требующее признания меры пресечения как предварительного условия. Такая интерпретация предполагает развитие особой процессуальной формы, учитывающей медицинские и правовые особенности рассматриваемой категории участников уголовного судопроизводства².

В то же время Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал правовую установку, придающую вопросу более комплексное значение. В его решении указывается, что при всей внешней схожести таких действий, как изоляция в медицинском учреждении психиатрического типа и

---

¹ Ручина А. А. О правовой природе применения мер принуждения к лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2. С. 26.

² Савченко А. Н. Заключение под стражу лиц, страдающих психическими заболеваниями или осужденных к лишению свободы // Уголовный процесс. 2006. № 11. С. 18.

заключение под стражу, между ними существует принципиальная разница¹. Такие меры преследуют различные цели, опираются на разные основания и имеют отличные правовые последствия, хотя обе формы воздействия сопровождаются ограничением свободы и временным лишением возможности самостоятельно распоряжаться местом своего пребывания, содержание в медицинской организации ориентировано на устранение медицинских рисков и обеспечение психиатрического контроля, а не на предотвращение попыток воспрепятствовать правосудию или скрыться от уголовного преследования.

Тем не менее, статья 435 УПК РФ допускает применение порядка, установленного статьей 108 того же нормативного акта, к случаям перемещения обвиняемого, уже находящегося под стражей, в психиатрическую клинику. Такая юридическая конструкция может быть интерпретирована как приравнение госпитализации в целях обеспечения судебного разбирательства к заключению под стражу, что вызывает определенные сомнения с точки зрения различий в природе указанных процедур. Кроме того, Конституционный Суд РФ указывает, что период пребывания в учреждении, оказывающем специализированную психиатрическую помощь, должен соответствовать срокам, установленным для предварительного заключения, предусмотренным статьями 108 и 109 УПК РФ.² Такое положение, по существу, еще больше сближает обе формы ограничения свободы и требует критической переоценки их нормативного разграничения.

Остается нерешенным вопрос, каким образом должен быть определен процессуальный механизм помещения в психиатрическое учреждение лиц, в отношении которых ранее не применялась мера пресечения в форме изоляции, и какие временные рамки должны устанавливаться в подобных ситуациях.

Действующее законодательство не содержит четких указаний на последовательность процессуальных действий и на допустимые сроки

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2018 N 20-П «По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.» // Вестник Конституционного Суда РФ. N 5. 2018.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2018 N 20-П «По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.» // Вестник Конституционного Суда РФ. N 5. 2018.

пребывания в медицинской организации психиатрического профиля при выявлении психического заболевания у такого лица.

Статья 30 Федерального закона от 31.05.2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ устанавливает сроки пребывания лица в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы. Лицо могут госпитализировать в такую организацию на срок до 30 дней, а по мотивированному ходатайству эксперта или комиссии экспертов срок может быть продлён постановлением судьи районного суда по месту нахождения организации ещё на 30 дней. Общий срок пребывания лица в организации при производстве одной судебной экспертизы не может превышать 90 дней. Нарушение установленных сроков можно обжаловать в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством РФ, а также непосредственно в суд по месту нахождения организации.

Согласно федеральному закон от 30.12.2021 N 491-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и статью 24 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»² госпитализация лица, содержащегося под стражей, осуществляется на основании вступившего в законную силу решения суда. Суд в числе прочего определяет срок перевода лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь, а также устанавливает для него запреты совершать определенные действия. Госпитализированное лицо не реже одного раза в месяц подлежит обязательному психиатрическому освидетельствованию, о результатах которого информируются орган предварительного расследования и суд для решения вопроса о необходимости

---

¹ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

² Федеральный закон от 30.12.2021 N 491-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и статью 24 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Российская газета. N 2. 11.01.2022.

дальнейшего пребывания лица в медицинской организации. Федеральный закон разработан с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ, отраженной в Постановлении от 24 мая 2018 года N 20-П¹.

Рассматриваемый аспект может иметь значение и для преступлений в сфере НОН. Правовым основанием назначения экспертизы служит п. 3.2 ст. 196 УПК РФ, предусматривающий обязательность судебно-психиатрической экспертизы при наличии оснований полагать, что обвиняемый болен наркоманией. Обычно такие лица признаются вменяемыми (ст. 23 УК РФ), но невменяемость может быть установлена, если преступление совершено в состоянии психоза, вызванного абстиненцией или интоксикацией, либо при тяжёлых психических нарушениях.

Цель экспертизы по п. 3.2 ст. 196 УПК РФ напрямую не указана, в отличие от других пунктов статьи, что порождает правовую неопределённость. Пленум ВС РФ² уточняет: экспертиза необходима для установления диагноза «наркомания», её вида и степени, а также медицинских противопоказаний для лечения (ст. 299 УПК РФ, ст. 72.1 и 82.1 УК РФ).

Госпитализация в специализированное медицинское учреждение в данном случае должна рассматриваться как мера, обеспечивающая соблюдение целей и задач уголовного процесса, в частности в ходе досудебного производства, где требуется исключить возможное негативное влияние психического состояния субъекта на эффективность следственных действий, в связи, с чем необходимым представляется нормативное разграничение различных оснований и целей помещения в психиатрический стационар. Такой подход позволит структурировать механизм правоприменения и обеспечит соблюдение конституционного принципа правовой определенности.

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2018 N 20-П «По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.» // Вестник Конституционного Суда РФ. N 5. 2018.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. N 137. 28.06.2006.

Таким образом, обеспечение реальной правозащиты возможно лишь при законодательном оформлении процессуального механизма, в рамках которого будет чётко зафиксирован процессуальный порядок госпитализации с разделением оснований, задач и сроков, соответствующих различным видам такого помещения. Только при наличии нормативной дифференциации можно будет гарантировать действие конституционного принципа неприкосновенности личности в полной мере, исключив произвольное ограничение свободы и обеспечив соответствие процедуры правовым стандартам справедливости, законности и гуманизма.

Должностные лица, наделённые полномочиями в сфере уголовного преследования, - следователи, дознаватели, прокуроры, а также судьи, обязаны постоянно контролировать соблюдение норм, охраняющих неприкосновенность личности. УК РФ, в частности статья 301, содержит прямую норму, устанавливающую наказания за незаконное задержание, необоснованное содержание под стражей.

В системе обеспечения правовых гарантий также предусмотрена процедура судебного контроля за правомерностью избрания меры пресечения. Каждое лицо, подвергшееся ограничению свободы, имеет право на судебное рассмотрение вопроса о правомерности принятых в отношении него процессуальных решений, что распространяется и на случаи, когда мера принуждения формально соответствует закону, но вызывает сомнение с точки зрения справедливости либо соразмерности применённого ограничения.

Таким образом, применение мер процессуального принуждения, включая такую строгую меру, как заключение под стражу, является исключительной мерой, допустимой лишь при строгом соблюдении основополагающих принципов уголовного судопроизводства. Эти принципы, помимо непосредственно закреплённых в главе 2 УПК РФ, должны включать в себя соразмерность (соответствие тяжести преступления и необходимости применения данной меры), обоснованность (наличие достаточных доказательств, подтверждающих необходимость применения меры) и

минимальное вмешательство в права личности (использование наименее ограничительной меры, достаточной для достижения целей уголовного судопроизводства). Следовательно, любое решение о применении мер процессуального принуждения, особенно заключения под стражу, должно быть тщательно обосновано, с учетом всех обстоятельств дела, и направлено на обеспечение баланса между интересами правосудия и защитой прав и свобод человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог работы, отметим следующее.

Принцип неприкосновенности личности представляет собой элемент правового регулирования, согласно которому ни одно физическое лицо не может быть произвольно подвергнуто задержанию, ограничению свободы либо изоляции от общества без веских правовых оснований, сформулированных в рамках действующего законодательства.

В уголовном процессе вопрос соблюдения неприкосновенности личности приобретает критическую значимость, а обусловлено это тем, что на стадии возбуждения уголовного дела, на этапе начала уголовного преследования и осуществления последующих процессуальных действий происходит прямое ограничение основополагающих прав личности.

В условиях современной государственно-правовой системы принцип неприкосновенности личности постепенно приобретает более устойчивую институциональную форму, он воспринимается как обязательное условие функционирования демократического механизма, в то же время сохраняющаяся угроза криминальных проявлений, высокая плотность преступности и системные формы правонарушений обуславливают необходимость использования государством средств принуждения, включая меры пресечения, административного воздействия, что вызывает закономерное напряжение между задачами уголовного преследования и необходимостью соблюдения прав человека, находящегося под подозрением.

Институт ограничения свободы следует рассматривать как социально оправданный инструмент, выполняющий функцию защиты общественного интереса и поддержания правопорядка, он применяется с целью воспрепятствования уклонению подозреваемых от участия в уголовном деле, предотвращения уничтожения улик, а также исключения давления на свидетелей

(потерпевших), однако его эффективность напрямую зависит от соблюдения его законности и процессуальной регламентации.

Условия применения ограничительных мер должны основываться на объективных материалах, подтверждающих необходимость подобного вмешательства. Проведённый анализ уголовно-процессуального законодательства и практики его применения позволяет сделать вывод о наличии системных проблем, связанных с реализацией мер процессуального принуждения, прежде всего заключения под стражу. Несмотря на наличие формальных гарантий, их применение затруднено в силу неопределённости ряда ключевых понятий, несогласованности между нормами и дефектов в правоприменительной практике.

Проблема нормативной неопределённости момента возникновения статуса подозреваемого (статьи 46, 91, 100 УПК РФ) требует:

- дополнения части 1 статьи 46 УПК РФ прямым указанием на возникновение статуса подозреваемого в момент фактического задержания;
- разработки разъяснений Пленума Верховного Суда РФ о разграничении статуса «задержанного» и «подозреваемого» и допустимых сроков оформления соответствующих документов.

В целях реального обеспечения принципа соразмерности меры пресечения:

- дополнить статью 108 УПК РФ новым пунктом, обязывающим суд в письменной форме обосновывать, почему не были применены альтернативные меры пресечения, такие как залог или домашний арест или запрет определенных действий;
- ввести в УПК РФ статью о стандартах судебного контроля, либо разработать совместное разъяснение ВС РФ и Генеральной прокуратуры РФ, устанавливающее унифицированные требования к содержанию постановлений судов об избрании или продлении меры пресечения.

Учитывая значимость момента фактического задержания:

- в часть 2 статьи 91 УПК РФ внести обязанность фиксировать время и место фактического задержания не только в протоколе, но и в специальном

регистрационном журнале органа, осуществившего задержание, для последующего судебного контроля;

- включить в статью 92 УПК РФ обязанность разъяснения задержанному не только прав, но оснований и пределов задержания, а также срока его действия.

- в пункте 15 статьи 5 УПК РФ заменить расплывчатую формулировку «момент фактического задержания» на: «время фактического ограничения свободы передвижения лица в связи с подозрением в совершении преступления, зафиксированное уполномоченным должностным лицом».

Таким образом, совершенствование законодательства должно быть направлено не на ужесточение санкций, а на устранение нормативной неопределённости, разграничение смежных институтов, установление чётких сроков и обязанностей, и усиление судебного контроля. Только такой подход позволит обеспечить баланс между задачами уголовного преследования и гарантией неприкосновенности личности в условиях правового государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: <http://pravo.gov.ru>.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – 1995. – № 67.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2011 года N 174 –ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года N 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
5. Федеральный закон от 30.12.2021 N 491-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и статью 24 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СПС КонсультантПлюс.
6. Федеральный закон от 13.06.2023 N 220-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
7. Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
8. Федеральный закон от 08.01.1998 N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // СПС КонсультантПлюс.
9. Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 N 103-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

Монографии, учебники, учебные пособия:

10. Алексеев, С.С. Теория государства и права / С.С. Алексеев, С.И. Архипов, В.М. Корельский, В.И. Леушин. – М.: Норма, 2004. – 484 с.
11. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. 4-е изд., изм. и доп. / М.В. Баглай. – М.: Норма, 2005. – 816 с.
12. Васильева, Т.А. Права человека: учебник / Т.А. Васильева, Е.А. Лукашева. — М.: ИНФРА-М, 2010. — 559 с.
13. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук ; Российская акад. правосудия. – М.: Норма, 2008. – 447 с.
14. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. - 2-е изд., испр. - М.: Статут, 2017. – 1279 с.
15. Кемеров, В.Е. Современный философский словарь / В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. — М.: Академический Проект, 2020. — 823 с.
16. Кутафин, О.Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации / О.Е. Кутафин. – М.: Юрист, 2004. – 405 с.
17. Лапаев, И.С. Общие положения уголовного процесса: учебное пособие, для обучающихся по направлению подготовки 40.05.04 "Судебная и прокурорская деятельность" / И.С. Лапаев, А.Б. Алейникова. — Издательство ПГУ, 2021. — 151 с.
18. Лебедев, В.М. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (постатейный) / В.М. Лебедев. – М., 2014. – 952 с.
19. Ленский, А.В. Производство по применению принудительных мер медицинского характера / А. В. Ленский, Ю.К. Якимович. – М., 1999. – 520 с.
20. Лукашева, Е.А. Права человека: учебник для вузов / Е.А. Лукашева. — М.: ИНФРА-М, 1999. — 573 с.
21. Манова, Н.С. Уголовный процесс : учебник для вузов / Н.С. Манова, Ю.В. Францифоров, Н.О. Овчинникова. — М.: Юрайт, 2025. — 276 с.

22. Петрухин, И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение : Общ. концепция. Неприкосновенность личности / И.Л. Петрухин. – М.: Наука, 1985. – 239 с.

23. Петрухин, И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И.Л. Петрухин. – М.: Наука, 1989. – 252 с.

24. Радлов, Э.Л. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / Э.Л. Радлов. – СПб.: Тип. акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1911. – 284 с.

25. Россинский, С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход: монография / С.Б. Россинский. – М.: Проспект, 2019. – 192 с.

26. Смирнов, А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 784 с.

Научные публикации и статьи в иных периодических изданиях

27. Арестова, Е.Н. Проблемы правовой регламентации задержания подозреваемого / Е.Н. Арестова, Е.В. Шарапова, А.В. Борбат // Российский следователь. – 2023. – № 6. – С. 11-14.

28. Баранов, А.М. Нормы-принципы уголовного процесса: Закон и теория / А.М. Баранов, П.Г. Марфицин // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 37. – С. 21-31.

29. Белозерцев, С.М. Проблемы, возникающие при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу / С.М. Белозерцев, А.А. Балашов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 1 (80). – С. 16-24.

30. Гриненко, А.В. Задержание и заключение под стражу должны быть не только законными и обоснованными, но и мотивированными / А.В. Гриненко // Журнал российского права. – 2005. – №3 (99). – С. 96-99.

31. Гуляев, А.П. Проблемы применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / А.П. Гуляев // Новый уголовно-процессуальный

закон: теория и практика применения : материалы межвед. «круглого стола». – Москва, 2003. – С. 3-5.

32. Давлетов, А.А. Назначение, цель и задачи уголовного судопроизводства / А. А. Давлетов, Н. В. Азаренок // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 1(306). – С. 124-134.

33. Дарбинян, А.А. Административное выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства как ограничение прав человека на свободу и личную неприкосновенность / А.А. Дарбинян, М.В. Морозова, Н.Е. Пирязева // Миграционное право. – 2020. – № 2. – С. 3-7.

34. Казимирова, Е.Д. Процессуальный статус подозреваемого / Е.Д. Казимирова // Законность. – 2022. – № 10. – С.52-56.

35. Калиновский, К.Б. Обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемы совершенствования уголовно-процессуального закона и практики его применения / К.Б. Калиновский // Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: соблюдение прав и свобод человека и гражданина: сборник статей по материалам круглого стола. Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия. – СПб.: ИД «Петрополис», 2017. – С. 36-57.

36. Мирский, Д.Я. Правовая природа задержания лица, подозреваемого в совершении преступления / Д.Я. Мирский // Труды Иркутского ун-та. – 1969. – №8. – С. 298-301.

37. Михайлов, Е.В. Проблемы, возникающие при избрании в отношении обвиняемых (подозреваемых) меры пресечения в виде заключения под стражу / Е.В. Михайлов // Молодой ученый. – 2019. – № 11 (249). – С. 86-89.

38. Мичурина, О.В. О проблемах понимания неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве / О.В. Мичурина // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2019. – №1. – С. 24-30.

39. Наумов, К.А. Цели и задачи (назначение) уголовного процесса / К.А. Наумов // Сибирское юридическое обозрение. – 2020. – № 3. – С. 386- 393.

40. Наумов, М.В. «Фактическое задержание» и доставление лица по подозрению в совершении преступления / М.В. Наумов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 41. – С. 110-114.

41. Подмарев, А.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: конституционные основы и правовые позиции Конституционного Суда России / А.А. Подмарев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – №4 (72). – С. 62-66.

42. Преловский, П.О. Эволюция уголовно-процессуального законодательства, регулирующего право на свободу и личную неприкосновенность / П.О. Преловский // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – №4 (12). – С. 91–101.

43. Ручина, А.А. О правовой природе применения мер принуждения к лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера / А.А. Ручина // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – №2. – С. 26-30.

44. Савченко, А.Н. Заключение под стражу лиц, страдающих психическими заболеваниями или осужденных к лишению свободы / А.Н Савченко // Уголовный процесс. – 2006. – №11. – С. 18-20.

45. Сибагатов, М.В. Конституционное право на неприкосновенность и его реализация в уголовно-процессуальном институте задержания / М.В. Сибагатов // Право и управление. – 2025. – №1. – С. 38-42.

46. Суменков, С.Ю. Понятие права на свободу и личную неприкосновенность по Конституции Российской Федерации / С.Ю. Суменков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2021. – №4. – С. 101-110.

47. Сумин, А.А. К вопросу о продлении срока задержания подозреваемому / А.А. Сумин // Вестник экономической безопасности. – 2022. – №3. – С. 228–230.

48. Сургутсков, В.И. О совершенствовании правового регулирования применения полицией отдельных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях» / В.И. Сургутсков, Д.В. Пивоваров // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – №11. – С. 111-117.

49. Терехова, Н.Н. Значение принципов уголовного процесса в обеспечении безопасности личности в уголовном судопроизводстве / Н.Н. Терехова // Вестник ОГУ. – 2012. – №3 (139). – С. 211-213.

50. Теткин, Д.В. Отдельные исторические аспекты развития принципа неприкосновенности личности и его закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве / Д.В. Теткин // Известия ТулГУ. – 2022. – №2. – С. 166-171.

51. Фадеев, И.А. Несовершенство понятийного аппарата статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса России в части, касающейся органов дознания / И.А. Фадеев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 8. – С. 88-93.

52. Химичева, О.В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления / О.В. Химичева, Д.В. Шаров // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – №5. – С. 57-60.

53. Цоколова, О.И. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и современные проблемы мер уголовно-процессуального принуждения / О.И. Цоколова // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – №7 (44). – С. 1440-1446.

54. Чевердюк, О.Г. К вопросу об обеспечении прав и законных интересов обвиняемого при предъявлении обвинения / О.Г. Чевердюк // Полицейская и следственная деятельность. – 2017. – №4. – С. 9-15.

55. Чурилов, С.Н. Институт задержания подозреваемого нуждается в реформировании / С.Н. Чурилов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 1(87). – С. 13-20.

56. Шамсеева, А.М. Соотношение понятий «задержание подозреваемого» и «задержание по подозрению» / А.М. Шамсеева // Тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества: сб. ст.

Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию кафедр уголовного права и криминологии, уголовного процесса и правоохранительной деятельности. – Ижевск: Удмуртский университет, 2024. – С. 275-283.

57. Широкова, А.В. Заключение под стражу как элемент института мер пресечения в российском уголовном процессе / А.В. Широкова // Закон и право. – 2019. – №8. – С. 101-103.

58. Щербакова, М.А. Принцип неприкосновенности личности как гарантия права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве / М.А. Щербакова // Вестник УЮИ. – 2022. – №1 (95). – С. 99-106.

59. Эляшов, А.Б. Исторические корни развития принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве / А.Б. Эляшов, К.Ю. Булуктаева // Новый юридический вестник. – 2023. – №3 (42). – С. 89-92.

Интернет-ресурсы

60. Арстанова, А. Адвокат добился освобождения из-под стражи обвиняемого в покушении на сбыт наркотиков / А. Арстанова // Адвокатская газета. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilysya-osvobozhdeniya-iz-pod-strazhi-obvinyaemogo-v-pokushenii-na-sbyt-narkotikov/>.

61. Баландин, А. Проблемы применения запрета определенных действий / А. Баландин // Адвокатская газета. АГ-эксперт. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problemy-primeneniya-zapreta-opredelennykh-deystviy/>.

62. В Санкт-Петербурге пресечена деятельность наркопреступной группы. – URL: <https://78.мвд.рф/news/item/21998013/>.

63. Коробка, Е. Защита добилась освобождения обвиняемого из-под стражи из-за волокиты следствия / Е. Коробка // Адвокатская газета. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/zashchita-dobilasosvobozhdeniya-obvinyaemogo-iz-pod-strazhi-iz-za-volokity-sledstviya/>.

64. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года. – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663>.

65. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года. – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078>.

66. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года. – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203>.

67. Судебная статистика Российской Федерации. – URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/13/s/14>

Эмпирические материалы

68. Апелляционное постановление Московского городского суда от 21.02.2022 г. по делу №10-3252/2022 // СПС Консультант Плюс.

69. Уголовное дело N 1-198/2018 // Архив Вахитовского районного суда г. Казани за 2018 г.

70. Кассационное определение 2КСОЮ от 20 апреля 2021 г. по делу № 77- 1193/2021. – URL: <https://судебныерешения.рф/65799364>.

71. Кассационное определение 5КСОЮ от 27.07.2021 № 77- 1117/2021. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=16530#YherA9U7LyKr1HxA>.

72. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 января 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – N 9.

73. Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2023 № 3303-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Видриха Андрея Брониславовича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 94 и пунктом 3 части седьмой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

74. Определение Конституционного Суда РФ от 30.09.2004 № 300-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абубакирова

Хусаина Шарониевича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 1.

75. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 468-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ховалыга Валерия Сарыг-Ооловича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 3.

76. Определение Конституционного Суда РФ от 31.05.2022 № 1422-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юрина Сергея Павловича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 10 и частью третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

77. Постановление ЕСПЧ от 15 мая 2008 г. «Гусев (Gusev) против России», N 67542/01, § 79 // СПС КонсультантПлюс.

78. Постановление ЕСПЧ «Быков (Bykov) против России» [Большая палата] § 61 // СПС КонсультантПлюс.

79. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина» // СПС КонсультантПлюс.

80. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2016 № 25-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е.С. Сизикова» // СПС КонсультантПлюс.

81. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2024 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" в связи с жалобой гражданина Н.С. Смирнова» // СПС КонсультантПлюс.

82. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2024 N 4-П "По делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.А. Балукковой и Ю.М. Чернигиной" // СПС КонсультантПлюс.

83. Постановление Конституционного суда РФ от 24 мая 2018 года № 20-П/2018 «Правовые позиции КС РФ по отдельным вопросам. Право на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве» // СПС КонсультантПлюс.

84. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.03.2003 N 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части первой и части третьей статьи 232 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Л.И. Батищева, Ю.А. Евграфова, О.В. Фролова и А.В. Шмелева» // Вестник Конституционного Суда РФ. – N 3. – 2003.

85. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.1998 № 6-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 года «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура» // СПС КонсультантПлюс.

86. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2018 N 20-П «По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.» // СПС КонсультантПлюс.

87. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 N 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Российская газета. – 2011. – № 84.

88. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС КонсультантПлюс.

89. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 2.

90. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // СПС КонсультантПлюс.

91. Приговор Кировского районного суда г. Саратова № 1-236/2019 от 15 августа 2019 г. по делу № 1-236/2019. – URL: <https://sudact.ru/>.